

A person with long hair, wearing a red cap and a grey shirt, is sitting on a stone wall, looking out over a city at sunrise. The sun is low on the horizon, casting a warm orange glow over the city and the sky. The city is partially obscured by a layer of fog or mist. The sky is filled with dramatic, orange-tinted clouds. The overall mood is contemplative and serene.

ЕЛЕНА РАЙДОС

**И СНОВА
К НАЧАЛУ НАЧАЛ**

Елена Райдос

И снова к началу начал

«Автор»

2026

Райдос Е.

И снова к началу начал / Е. Райдос — «Автор», 2026

Каково это – ощущать себя чужим в мире, куда тебя забросила жизнь? Нет, не просто неудачником, не способным адаптироваться к обществу, а реально пришельцем из совсем другого мира, такого притягательного и манящего нездешними чудесами. Скажете: всё это блажь? Нет смысла тонуть в слюнявых фантазиях, надо просто взять себя в руки и жить нормальной жизнью, как все. А что если мир, являющийся в мечтах, действительно существует, и это ваш родной мир? Разве не может так случиться, что та же судьба, которая забросила вас в чужую жизнь, вдруг сжалится над вами и даст шанс вернуться домой? Или, наоборот, покажет, что ваши мечты – это самообман, а счастье ждёт именно там, где вы сейчас находитесь. Это третья книга серии об играх жителей Аэрии, и в ней вы снова встретитесь с опытными игроками, знакомыми по предыдущим двум книгам, а заодно познакомитесь с новыми.

© Райдос Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Райдос

И снова к началу начал

Любовь! Ты ведь знала

О нашей непрочной судьбе.

Зачем ты избрала

Такое жилище себе?

Перси Биши Шелли

ПРОЛОГ

Озеро раскинулось в глубокой чаше пологих холмов. Днём оно выглядело вполне обычно и ничем не отличалось от своих собратьев, коих было немало в соседних лощинах. А вот на закате, когда косые солнечные лучи, скользя по гладкой озёрной поверхности, окрашивали его воды в терракотовый цвет, озеро сразу утрачивало сходство с природным явлением и становилось похожим на чашку с недопитым чаем, оставленную каким-то забывчивым исполином. Это сходство было тем более полным, что на дальнем склоне холма отсутствовала растительность, и в закатной подсветке белый песчаник светился как тонкий фарфор.

Нужно сказать, что сей дизайнерский изыск вовсе не был игрой природы. Просто жители города, обхватившего озеро с трёх сторон, свели под ноль весь лес на склоне, когда добывали строительный материал для своих жилищ. В эпоху своего зарождения город, который тогда был всего лишь небольшой деревенькой при довольно внушительной крепости, практически целиком был построен из дерева и песчаника. Но те времена давно прошли, на настоящий момент от крепости остались лишь развалины старинного замка, торчавшего словно часовой на самом высоком холме. А вот город, напротив, разросся подобно плесени. Правда, горожане больше не строили свои дома из природных материалов, предпочитая им более дешёвые и практичные вроде бетона и металлоконструкций.

Нужно сказать, что по сравнению с банальной городской архитектурой, развалины замка и теперь выглядели весьма впечатляюще и живописно, по крайней мере, если смотреть на них снизу, из долины, а вот вблизи сразу становилось ясно, что это была просто груда мёртвых камней. От когда-то высокой и прочной крепостной стены остался лишь едва заметный в густой траве земляной вал. Сам замок ещё держался, однако все его деревянные конструкции давно сгнили, включая перекрытия и стропила полуобвалившейся крыши. Из четырёх сторожевых башен целой осталась только одна, зато как раз та, с которой открывался прямо-таки фееричный вид на город и озеро.

Этими видами пестрели рекламные брошюры городских турагентств. Можно сказать, что развалины крепости сделались визитной карточкой города, однако дальше красочных фоток дело не пошло. Даже экскурсии к развалинам были редкостью и не столько потому, что добраться к крепости можно было исключительно пешком по едва заметной тропинке, но в гораздо большей степени из-за того, что смотреть там было особо не на что. Чтобы наладить к развалинам действительно серьёзный туристический поток, требовалось нечто большее, чем красивый вид на озеро.

Несколько лет назад городской муниципалитет задался целью создать на базе развалин то ли музей, то ли гостиничный комплекс и даже вроде бы нашёл спонсора, готового вложиться в проект. Дело продвинулось до создания специальной комиссии, которой надлежало оценить трудозатраты и представить план реконструкции городской достопримечательности. Увы, вместо плана комиссия представила своё заключение об аварийном состоянии замкового строения и потребовала ограничить доступ экскурсантов к опасным развалинам. С тех пор вершина холма погрузилась в сонную тишину, нарушаемую лишь завыванием ветра, да щебетом птиц.

Майя облюбовала это уединённое местечко ещё в детстве, когда оказалась тут вместе с классом на экскурсии. Она устроила своё тайное убежище на открытой площадке единственной сохранившейся сторожевой башни, куда пробиралась по выщербленным каменным ступенькам винтовой лестницы, злостно игнорируя запретительные таблички и охранные решётки. Упражнение это было довольно экстремальным, но всё же не таким опасным, как можно было бы предположить из устрашающих надписей на табличках. В отличие от замка, ступени в башне были каменными, а потому пока выдерживали натиск времени.

С верхушки башни можно было охватить взглядом почти весь город, хоть составляй карту его улиц и строений. Однако Майю влекло сюда отнюдь не любопытство краеведа, она приходила на облюбованный наблюдательный пункт, чтобы насладиться весьма специфическим, но при этом естественным природным феноменом. Когда последний лучик солнца скрывался за холмами, над озером сразу начинал конденсироваться плотный туман. Ближе к ночи туманная волна накрывала город и начинала расплзаться ручейками по его улицам, подобно щупальцам неизвестного науке озёрного чудовища.

Длилось это промозглое нашествие около часа, а потом туман растекался по окрестным холмам и рассеивался. Но этот час можно было с уверенностью назвать испытанием, ниспосланным горожанам за непонятно какие грехи. Улицы пустели, люди плотно закрывали окна и отсиживались по домам, спасаясь от сырости. История города не сохранила имя того чудика, которому пришла в голову экстравагантная мысль основать поселение в озёрной чаше, однако горожане до сих пор чуть ли ни каждый вечер изливали на голову сего анонима свою досаду.

Майя вовсе не была неженкой и забиралась на свою обзорную площадку отнюдь не для того, чтобы избежать нашествия тумана, а чтобы полюбоваться на сие представление с высоты. В отличие от остальных горожан ей нравилось, как преображался её родной город, когда его накрывало зыбкой сизой субстанцией туманного шлейфа. Окутанные полупрозрачной дымкой дома словно утрачивали прочность и отчётливые контуры. При небольшой доле фантазии можно было даже представить, что здания двигаются как живые. Разноцветные огоньки рекламы начинали мерцать и рассыпаться на отдельные фрагменты, утрачивая чисто утилитарное назначение и превращаясь в рои весёлых звёздочек. А свет фонарей терял контраст, и казалось, что это светится сам ночной воздух.

Не то чтобы зрелище было каким-то особенно вдохновляющим или романтичным. На самом деле у большинства горожан оно вызывало довольно депрессивные чувства. Но Майю манила вовсе не романтика, она просто хотела хоть ненадолго вернуться в свои детские сны. Когда она была маленькой, зачарованный город снился ей чуть ли не каждую ночь, и это вовсе не был её родной город. Там, за гранью дневной реальности сияло ласковое голубое солнце, а небо переливалось всеми оттенками розового и сиреневого. В зачарованном городе всё было воздушным и лёгким, и кстати, здания там двигались по-настоящему, а не потому, что их обволакивало туманом. Ещё там текли разноцветные реки прямо в воздухе, а люди, больше похожие на бестелесных ангелов, двигались плавно, словно летали, и могли даже ненадолго зависать в этих воздушных потоках.

С годами сны про зачарованный город стали посещать Майю всё реже, но от этого не утратили свою притягательную силу. Напротив, лишившись возможности каждую ночь переноситься в сказку, она стала медленно, но верно терять интерес к реальной жизни. Впервые Майе довелось увидеть картину нашествия тумана на город с высоты сторожевой башни, когда ей только-только исполнилось тринадцать, и с тех пор она буквально подседала на это зрелище, как подсаживаются на наркотик. Конечно, туманный спектакль был всего лишь жалким суррогатом её волшебных снов, но он давал Майе возможность хотя бы ненадолго улететь в свои фантазии.

Одна беда, вечером так сложно было улизнуть к развалинам крепости, да и длилось представление всего час, но мечтательнице, чтобы не утонуть в депрессии, нужна была даже такая малость. Впрочем, очень скоро Майя выяснила, что туман был не единственным средством создания иллюзии сказочного сновидения наяву. Как-то раз непогода застала мечтательницу прямо на излюбленной наблюдательной площадке. Девушка ринулась вниз по ступенькам башни, чтобы укрыться от дождя под карнизом, однако случайно бросила взгляд на город и застыла в трансе. За пеленой падающей с неба воды привычные очертания городских зданий как будто исчезали, превращаясь в призраков. Город больше ничем не напоминал самого себя,

он сделался гуттаперчевым и текучим как патока. Теперь из него можно было вылепить что угодно, любую фантазию.

С того дня ненастная погода сделалась объектом страстных девичьих мечтаний, поскольку в отличие от краткосрочного сеанса туманного шоу, наслаждаться картиной тонущего в потоках воды города можно было без спешки и к тому же днём. Дожди в окрестностях озера, как правило, были затяжными, и ничто не мешало выбрать удобное время для посещения наблюдательного пункта. Это было тем более приятно, что не требовалось украдкой сбежать из дома на ночь глядя, можно было открыто отправиться на прогулку с полного одобрения родителей.

Большинство людей, проснувшись утром под шум дождя за окном, ощущают тотальное нежелание что-то делать, тем более вылезать из тёплой постельки, а вот Майя сразу чувствовала прилив бодрости, ведь ненастная погода сулила ей возможность вволю поностальгировать на её заветной башне. В первые свои дождливые визиты на обзорную площадку девушка ещё старалась как-то защититься от льющейся с неба воды, надевала плащ и резиновые сапоги, запасалась горячим чаем и сидушкой. Но потом она почувствовала, что эти защитные меры ей мешают, они словно не дают ей полностью погрузиться в иллюзию. Для того, чтобы действительно поверить в реальность зачарованного города, ей требовалось буквально раствориться в пространстве, как во сне. Ну а холод и мокрая одежда – всё это были такие мелочи, на которые даже не стоило обращать внимания.

Наверное, попадись Майя в руки местным психиатрам, те быстренько поставили бы ей неутешительный диагноз и в лучшем случае прописали убойные антидепрессанты, а в худшем – вообще отправили бы в психушку и сломали девушке жизнь. К счастью, Майе хватило ума помалкивать про свои волшебные сны и уж тем более про стрёмные попытки воспроизвести сновидения в реале. Вряд ли её скрытность была действительно обусловлена подозрениями в наличие какого-то психического расстройства, ведь помимо снов никаких других отклонений в её организме не наблюдалось, просто девушке не хотелось ни с кем делиться своей тайной. Впрочем, даже если бы Майя и обратилась за медицинской помощью, то врачи ничем не смогли бы ей помочь, ведь её сны были просто воспоминаниями, а с воспоминаниями медицина бороться пока не научилась.

Зачарованный город, являвшийся Майе в её сновидениях, действительно существовал, просто в другой реальности, которую её жители называли Аэрией. В отличие от людей, не ведавших о множественных мирах и считавших Землю единственной реальностью, аэры были отлично осведомлены о кластерной структуре нашего мира и даже научились путешествовать между реальностями. Правда, пока их туристическая активность распространялась исключительно на Землю, которую они предпочитали называть Игрой, а людей, соответственно – аватарами. Тут не было ничего оскорбительного для жителей Земли, это была просто формальная констатация того факта, что аэры путешествовали как раз для того, чтобы играть в людей.

Осуществлялись эти путешествия с помощью специальных аппаратов, носивших название симуляторов. Хотя такое название вроде бы намекало на виртуальность путешествия, но на самом деле это было не так. Аэрам приходилось натурально менять свои тела на человеческие и как бы становиться настоящими людьми во всём, кроме своей самоидентификации. Конечно, можно было бы усомниться в здравомыслии существ, готовых рисковать и терпеть всяческие неудобства ради такого своеобразного расширения кругозора и получения экзотичного для Аэрии опыта, однако сей категоричный диагноз был бы ошибочным.

Дело в том, что Игра уже давно сделалась частью жизни аэрского общества и даже служила если не в качестве предохранительного клапана, то уж точно в качестве некой отдушины, позволявшей аэским игрокам расширить возможности для самореализации за рамки довольно жёстких законов родной реальности. Впрочем, отрицать тот факт, что авантюризм и даже своего рода безбашенность были присущи практически всем аэрам, тоже было бы непра-

вильно. А чего ещё ждать от прирождённых игроков, если даже случившаяся в не таком уж далёком прошлом трагедия, из-за которой сотни тысяч аэров зависли в реальности Игры, не охладила игровой азарт остальных жителей Аэрии.

Со временем зависшие в Игре бедолаги потеряли память и практически превратились в людей, однако спонтанное восстановление некоторых воспоминаний было в их среде не такой уж редкостью. Многие потеряшки время от времени видели в сновидениях картины Аэрии, и Майя тут вовсе не стала исключением. Другой вопрос, что мало кому эти сны мешали жить, поскольку сновидцы воспринимали их исключительно как ночные фантазии. То, что Майя попала в эмоциональную зависимость от своих воспоминаний, было скорее каким-то противоестественным сбоем в работе аэрской психики, нежели нормой.

Девушка, разумеется, ничего не знала о своём аэрском происхождении, некому было рассказать ей правду, да и вряд ли от этой правды ей стало бы легче. Наверное, её неведение было даже своего рода милосердием. Увы, воспоминания о потерянном рае ещё не сделали счастливым ни одного изгнанника, а Майя действительно была изгнанницей, причём добровольной. В одной из своих прежних инкарнаций она предприняла попытку вернуться домой, но это не только не принесло ей радости, а напротив, буквально сломало жизнь. К счастью, очередное перевоплощение в Игре стёрло её воспоминания о том трагическом опыте. Девушка благополучно забыла о причине своего добровольного изгнания, а вот ностальгия по Аэрии отчего-то осталась.

Глава 1

В комнате было темно, но не потому, что за окнами царствовала ночь, просто плотные шторы не пропускали внутрь солнечный свет, видимо, чтобы тот не потревожил спящих. И всё же один особо резвый лучик проложил себе путь на запретную территорию, прошмыгнув в единственную, совсем крохотную щёлку между небрежно задёрнутыми занавесями. Диверсант осторожно прополз по полу к низкому столику, расположенному в ногах широкой, как вертолётная площадка, кровати и принялся карабкаться вверх по витой деревянной ножке.

На то, чтобы обследовать поверхность столика у него ушло не более минуты, и результаты сего обследования не оставили места для сомнений на предмет того, что происходило в этой комнате ночью. Блюдо с остатками нарезанных и уже слегка заветренных фруктов, поломанная на ломтики плитка шоколада, полупустая бутылка вина и два использованных хрустальных бокала. Что ж, тут и ребёнок смог бы однозначно вынести правильный вердикт, даже если бы не обратил внимания на мужчину и женщину, сладко посапывавших в объятиях друг друга на кровати.

Лучик лениво лизнул матовую кожуру виноградины, скатившейся с блюда на столик, и устремился к одному из бокалов. Взобраться по высокой ножке внутрь бокала этому бестелесному альпинисту не составило никакого труда, и вскоре недопитое вино засветилось в хрустале подобно драгоценному рубину, заливая всё пространство комнаты благородным багрянцем. Алые блики заметались по стенам, и один особо бесцеремонный солнечный зайчик угодил akurat в глаз спящему мужчине. Не выдержав столь вероломного нападения, его веки затрепетали и распахнулись, являя миру зелёные, как у кошки, глаза. Феликс приподнялся на локтях, оглядел всё ещё мутным со сна взглядом плававшую в багровом киселе спальню, и его губы скривились в досадливой гримасе.

- Какого чёрта,- прошипел он сквозь зубы. В этот момент солнечный лучик выбрался из бокала, и комната снова погрузилась в унылый полумрак. – Вот дурак,- Феликс тихо рассмеялся,- это же просто солнце.

Наверное, реакцию зрелого мужчины на игру света можно было бы счесть не совсем адекватной, тем не менее она была вполне оправданной. Дело в том, что Феликс с самого рождения страдал от одного странного не то недуга, не то магического дара. Он видел не только материальную реальность, но и её эфирную изнанку. Не то чтобы его эфирное зрение функционировало постоянно, но оно имело весьма противную привычку включаться в самый неподходящий момент. Феликс потратил очень много сил и времени на то, чтобы научиться управлять этим своеобразным подарочком судьбы, и в конце концов вроде бы полностью подчинил его своей воле. Не удивительно, что багряная подсветка, которую он принял за игры эфирного зрения, вызвала у него такую негативную реакцию.

Нужно сказать, что заслугу по обузданию сего магического дара Феликс никак не мог записать в свой актив. Без помощи и чуткого руководства одного не слишком разборчивого в средствах мага по имени Ефрем, он мог бы ещё очень долго биться головой об стенку без малейших перспектив приструнить свои врождённые способности, и кто знает, чем бы закончились его эксперименты со своим даром. Увы, статистика свидетельствовала отнюдь не в пользу самостоятельного овладения магическими техниками. Большинство талантливых самоучек закончили своё существование как раз в результате неудачных экспериментов.

Наверное, случайную встречу Феликса с магом Ефремом можно было назвать большой удачей, тем более что, как выяснилось в процессе обучения, где-то в глубине организма ученика таились и другие, не столь зрелищные, зато гораздо более опасные способности, например, способность к трансгрессии. К сожалению, у любой монетки имеется оборотная сторона. Вот и бонусы ученичества у могущественного мага имели конкретную и довольно экстремаль-

ную побочку. Собственно, никто и не обещал ученику халявы, Феликс отлично осознавал, что за всё в этой жизни приходится платить, вот только не предполагал, что плата растянется на долгие годы.

У Ефрема имелся довольно прибыльный, правда, не слишком легальный бизнес, для которого сему бизнесмену требовался помощник, чтобы выполнять за своего босса наиболее рискованные и трудоёмкие операции. Именно таким помощником и стал Феликс. Сам маг занимался в основном привлечением клиентов и сбытом артефактов, полученных в качестве оплаты за магические услуги, а задачей Феликса было оказание тех самых услуг. Он горбатился на своего учителя уже больше века, однако Ефрем пока не счёл его долг за обучение оплаченным. Впрочем, грех жаловаться, магический бизнес приносил неплохой доход, и хозяин фирмы щедро делился прибылью с исполнителем.

Феликс расслабленно улыбнулся и уже собрался было вернуться к прерванному солнечной диверсией общению с подушкой, когда в его голове раздался тихий мелодичный звон, чем-то напоминавший гитарный аккорд. Сигнал был вполне узнаваемым, однако его получатель всё же решил перепроверить источник, поскольку сия мелодия отнюдь не сулила ему приятной прогулки. А вдруг он всё-таки ошибся, и вызов пришёл от нового клиента. Феликс включил эфирное зрение, и перед его глазами тут же замаячила извивавшаяся в воздухе нить бледно-зелёного цвета. Внезапно нить вытянулась и завибрировала подобно струне, снова издав уже знакомый звон.

— Невтерпёж ему, видите ли,— проворчал Феликс, доставая из потайного ящика тумбочки детектор. Он навёл объектив на плавающую в воздухе нить и приложил подушечку большого пальца левой руки к экрану. Через секунду в тёмном квадрате появилась вполне ожидаемая надпись «Эмир». — И чего ему неймётся? — посетовал маг по вызову.— Опять, небось, хочет уличить одну из жён в неверности.

Он бросил тоскливый взгляд на изящную фигурку женщины, раскинувшейся на шёлковом покрывале, и обречённо вздохнул. Неспешный завтрак в компании миловидной красотки, на который рассчитывал хозяин гостеприимной квартирки, увы, откладывался до лучших времён. Эмир был капризным клиентом, и рассчитывать на то, что удастся быстренько от него отделаться, не приходилось. Мало того, что оплату магических услуг приходилось отрабатывать в поте лица, так в добавок Эмир постоянно демонстрировал магу по вызову, кто тут главный, и не терпел даже малейшего намёка на панибратство.

Справедливости ради следовало признать, что свой позывной в клиентской базе Ефрема Парваж-паша получил вовсе не за вздорный характер, а потому, что действительно обладал какими-то правами на титул эмира Гиркании. Феликс, разумеется, никак не мог проверить справедливость притязаний клиента на управление столь обширными территориями, однако то, что амбиции Эмира простирались далеко за пределы подконтрольной ему провинции, видно было невооружённым глазом хотя бы по тому, что порядки в своей вотчине правитель наводил с решимостью и жестокостью истинного сатрапа.

Как и все тираны, Парваж-паша чувствовал свою уязвимость и постоянно ожидал удара в спину от своих подданных. Его подозрительность, уже давно перешедшая грань рациональности и превратившаяся в паранойю, стоила жизни многим невинным жертвам, включая его жён и даже детей. Нужно сказать, что к женщинам своего гарема Эмир вообще относился как к расходному материалу, и текучка кадров в сём заведении была просто ужасающей. Однако в этом устоявшемся распорядке имелось одно исключение.

Какая нелёгкая занесла эту белокурую красотку в жаркую Гирканию, можно было только гадать, но именно ей было суждено покорить сердце бездушного тирана. Эмир звал свою ненаглядную Афтаб (солнышко), и это явно было не то имя, которым её нарекли при рождении. Феликс, разумеется, не видел лица любимой жены эмира, поскольку дамочка всегда была с ног до головы укутана в шёлковую вуаль, однако полупрозрачная ткань не могла скрыть её

блондинистую шевелюру и бледную кожу. Так что можно было даже не сомневаться в том, что эмирское солнышко появилась на белый свет в гораздо более суровых краях, нежели её нынешнее место жительства.

Нужно отдать должное влюблённому Эмиру, за время действия его контракта с Ефремом, он ни разу не усомнился в верности и любви красавицы Афтаб, зато остальные обитательницы эмирского гарема регулярно проходили проверку на преданность своему господину. Правда, видеть их лиц Феликсу тоже не разрешалось, но ему этого и не требовалось, поскольку эфирное зрение позволяло заглянуть гораздо глубже, нежели внешние проявления чувств. Оно могло видеть непосредственно сами чувства. И судя по тёмным разводам, пронизывавшим ауру несчастных женщин, их преданность хозяину питалась в основном страхом, а не привязанностью или благодарностью.

Впрочем, во владениях эмира страх вовсе не считался преступлением, зато симпатия к кому бы то ни было, за исключением самого Парважа-паши, таковым несомненно являлась. В самый первый раз, когда Феликс ещё не успел разобраться с местными порядками, он сдуру ляпнул клиенту, что одна из его жён обладает очень чувственной натурой и испытывает тёплые чувства ко всему живому, в том числе и к обитателям эмирского дворца. Больше на проверочных сеансах он эту барышню ни разу не видел, и с тех самых пор зарёкся откровенничать с параноиком. Разумеется, скрывать прямую измену он не имел права, но прочие нюансы держал при себе.

Феликс вернул детектор на место и кряхтя вылез из кровати. Он не стал искушать судьбу и тратить время на приготовление кофе. Не стоило раздражать капризного Эмира, затягивая время его ожидания. Сделавшись оперативником Ефрема, Феликс довольно быстро уяснил, что его работодатель вовсе не склонен прощать косяки, и жалоба клиента запросто могла обернуться серьёзными неприятностями. Пример его предшественника на посту Ефремовского оперативника вовсе не располагал к беспечности. По официальной версии тот парень погиб якобы от руки разгневанного клиента, однако Феликс сильно сомневался в её правдивости. Всем было известно, что Ефрем предпочитал наказывать нерадивых работников лично, а Феликс хоть и обладал способностью управлять своим физическим возрастом и поддерживать тело в молодом и здоровом состоянии, но бессмертным отнюдь не был.

Бизнес Ефремовой конторы считался нелегальным, по крайней мере, в Артане - родной реальности как самого Ефрема, так и его оперативника. Артанцы не то чтобы целенаправленно преследовали магов, однако оказание магических услуг за вознаграждение было под жёстким запретом. Хочешь творить чудеса – пожалуйста, но только для личного удовольствия, либо в качестве альтруистического жеста, а за мзду – ни-ни. Впрочем, сей запрет касался только непосредственно территории Артаны, а вот до других реальностей артанцам не было никакого дела. Не удивительно, что Ефрем построил свой бизнес на принципе экстерриториальности. Все без исключения его клиенты были не артанцами, а людьми.

Обычно для перемещения из Артаны на Землю Феликс использовал симулятор, поскольку его родное артанское тело было слишком разреженным для плотной земной среды, и волей-неволей приходилось путешествовать в искусственной оболочке. Однако для перемещения между земными локациями Феликс задействовал трансгрессию, потому что артанские симуляторы, в отличие от аэрских, не были оснащены функционалом, позволявшим осуществлять такого рода операции. В принципе, способность к трансгрессии среди жителей Артаны была не столь уж редким явлением, однако у большинства артанцев она находилась в зачаточном состоянии. У Феликса, как выяснилось, эта способность тоже была врождённой, но развить свои навыки до уровня практического использования ему удалось только благодаря Ефрему.

По идее, маг по вызову вовсе не был обязан постоянно торчать на Земле в ожидании очередного задания. У Ефрема имелся в распоряжении собственный симулятор, и он не экономил на его эксплуатации. Однако Феликс частенько зависал в этой реальности на довольно про-

должительный срок и вовсе не потому, что хотел избежать связанной с перемещением частичной потери самоидентификации. В отличие от большинства артанцев, он владел техниками контроля перевоплощения в совершенстве. Так что никакой производственной необходимости жить на Земле у него не имелось, если, конечно, не считать таковой необходимость избавляться от искусственной оболочки при возвращении в Артану.

Что тут поделаешь, различия между реальностями Земли и Артаны были слишком существенными, чтобы можно было путешествовать между ними в одном и том же теле. Но если при перемещении в реальность Земли аннигиляцией физической оболочки занимался непосредственно симулятор, то возвращение уже требовало вмешательства путешественника. Мало того, что саму по себе процедуру избавления от искусственной оболочки ни одно мыслящее существо не назвало бы приятной, так в добавок ещё требовалось всё сделать очень аккуратно, чтобы при повторном визите в ту же локацию не возникло проблем с легализацией.

Дело в том, что артанские искусственные оболочки были похожи на тела людей только внешне, а внутри их строение ничем не напоминало человеческие органы. В случае патолого-анатомического вскрытия мёртвого артанца разоблачения было никак не избежать, и обнаружение какого-то стрёмного пришельца неминуемо вызвало бы скандал. Именно поэтому все артанские искусственные оболочки снабжались мощным зарядом, который срабатывал через десять секунд после остановки сердца. Причём мощность заряда была такова, что вскрывать уже было просто нечего. Представляете, как нужно было извернуться Феликсу, чтобы взрыв не причинил вреда окружающим?

К счастью, в его распоряжении имелось довольно большое озеро, в недрах которого можно было взрывать хоть ядерные заряды без вреда для населения. Собственно, именно наличие сего водоёма как раз и послужило для артанца основным критерием при выборе места его постоянной дислокации на Земле. Ещё одной причиной обосноваться именно в этом городе была его относительная уединённость и в то же время принадлежность к довольно цивилизованной локации. Даже если бы кто-то из местных горожан, оказавшихся около озера в неподходящее время, и сподобился зафиксировать исчезновение одинокого пловца, то максимум, на что бы его хватило – это заявление в полицию, которое никто не стал бы рассматривать всерьёз.

Не исключено, что и чудесное воскрешение утопленника вряд ли вызвало бы переполох. Всё списали бы на неадекватность свидетеля и благополучно забыли. А вот жители какой-нибудь дикой локации точно сочли бы подобный неординарный случай колдовством, и последствия для воскресшего покойничка могли быть весьма неприятными. Впрочем, Феликс даже и в цивилизованной локации предпочитал лишний раз перестраховаться, нежели потом разгребать плоды своей неаккуратности, да и частить с перемещениями между реальностями тоже не стремился, предпочитая дожидаться очередного вызова непосредственно в месте прохождения службы.

И всё же соображения конспирации были далеко не главной причиной того, что Феликс обосновался в реальности Земли. На самом деле он тут торчал просто для собственного удовольствия. Ему нравилась местная жизнь, хоть она и сильно отличалась от артанской, а может быть, именно поэтому. Он даже обзавёлся тут недвижимостью и тесным кругом знакомых, в число которых, кстати, входило довольно большое количество местных самочек. Вот и на этот раз вызов застал Феликса в его земных апартаментах в обществе одной из подружек. Артанец не стал будить утомлённую ночными приключениями барышню, но не потому что ему было жаль потревожить её сон, просто нужно было спешить на вызов капризного клиента, а разборки с соней точно заняли бы кучу времени.

Быстренько приняв душ и обрядившись в расписанную астрологическими символами мантию, маг по вызову трансгрессировал во дворец Парважа-паши. По условиям контракта все клиенты Ефрема были обязаны предоставлять его оперативникам отдельные апартаменты, типа, для работы, и контракт Эмира не был исключением. Так что конечная точка прыжка

была Феликсу заранее известна. На самом деле никакой необходимости в уединении у него не имелось, просто для безопасной трансгрессии требовалось знакомое и пустое помещение, но клиентам об этом знать не полагалось. Для них появление мага по вызову должно было выглядеть как чудо. Ничего не поделаешь, откровенно грабительскую плату за магические услуги Ефремовой конторы приходилось как-то оправдывать, создавая ореол таинственности и могущества.

Нацепив на свою физиономию приличествующее великому волшебнику отрешённое выражение, Феликс толкнул дверь и сразу наткнулся на Эмира в сопровождении солидного стада охранников и слуг. Трусливый правитель даже по своему дворцу передвигался в сопровождении целой толпы вооружённых мужиков. Это ж надо было так достать своих подданных, чтобы пришлось превратить свой собственный дворец в тюрьму, правда, шикарную, но всё же. Впрочем, Феликсу эти нюансы эмирской жизни были до лампочки. Дома его ждала журнальная красотка, готовая исполнить любой его каприз, и затягивать свой визит к клиенту он был не намерен.

– Твои жёны уже готовы, мой господин? – вежливо поинтересовался Феликс, откровенно намекая на то, что срочность вызова должна хотя бы сопровождаться расторопностью со стороны самого клиента.

Обычно ему приходилось ждать не меньше часа, пока эмир соблаговолит организовать сеанс тестирования своих жён. Правда, грех жаловаться, ожидание всегда было обставлено со всевозможным комфортом, включая обильную и вкусную еду, а также разнообразные, но увы, безалкогольные напитки. Зато кофе в эмирском дворце был выше всяких похвал, что было весьма кстати, учитывая явный дефицит тонуса в организме едва продравшего глаза мага.

– На этот раз я позвал тебя не для этого, – Парваж откровенно нервничал, хотя и пытался держать марку, но обмануть эфирное зрение Феликса было невозможно. Похоже, это была не штатная проверка персонала, а реальный форс мажор. – Мне нужно, чтобы ты отыскал одну вещь. Перстень, – уточнил Эмир, смущённо потупившись.

– Он такой ценный? – удивление, прозвучавшее в голосе мага, было вполне искренним, поскольку повод для вызова оказался откровенно вздорным. Вряд ли стоимость какого-то перстенька могла бы покрыть расходы на его поиски с привлечением Ефремовой конторы. Значит, дело было не в ценности побрякушки.

– Дело не в цене, – досадливо поморщился Эмир, подтверждая сделанный магом вывод, – перстень был подарком. Моим подарком женщине.

– Женщину зовут Афтаб? – Феликс понимающе улыбнулся, поскольку ситуация начала проясняться. Похоже, Парваж переживал не столько из-за утраты ценного предмета, сколько из-за потенциальной неверности своей любимой жены. Ну действительно, как можно было потерять подарок хозяина? Или не потерять? – Ты полагаешь, что перстень украли? – маг поспешил выдвинуть версию, которая точно удовлетворила бы клиента и в то же время не подставила под удар его белобрысую красотку.

– Он исчез, – ответ Эмира был откровенно уклончивым, что могло означать только одно: ревнивый муж вышел на тропу войны, но всё же надеется, что казус белли окажется просто недоразумением.

– То есть ты желаешь не просто вернуть перстень, но и найти вора, – уточнил задание оперативник, чтобы потом избежать недоразумений.

– Или воровку, – а вот это уже был недвусмысленный намёк на желаемый результат расследования. Ну конечно, как же можно подозревать в краже мужчину, когда в гарем имеют доступ лишь евнухи. Так что колечко могло бы переключиться в мужские руки, только если бы было подарено. Ну а это, сами понимаете, уже за гранью добра и зла.

– Мой господин, – Феликс сделал вид, что смущён, – ты же понимаешь, что мне потребуется увидеть твою жену. Разумеется, под покрывалом, – поспешил уточнить он.

— Афтаб уже тебя ждёт,— по тому, как легко Эмир согласился на столь беспрецедентный шаг, маг сразу сделал вывод о том, что тот подозревает самое худшее.

Парваж указал приглашающим жестом на соседние покои, и первым проследовал в нужном направлении. При его появлении рулон шёлковой ткани, который Феликс поначалу принял за мебельный декор, вдруг зашевелился, изображая поклон. Женщина сделала нерешительный шаг в сторону своего хозяина, но при виде его насупленной физиономии замерла, словно опять превратилась в неодушевлённый предмет.

Феликс включил эфирное зрение и едва удержался от неуместного восклицания. Внутри этого шёлкового кокона бушевал такой вулкан чувств, что впору было спасаться бегством. Впрочем, доминантой сего чувственного винегрета была вовсе не агрессия, это был жуткий страх, державшийся на грани истерики только усилием воли несчастной женщины. Да, эта красотка точно знала, зачем тут появился маг, и не сомневалась в том, что для неё это был смертный приговор.

Проследить ниточку, ведущую от Афтаб к перстню, не составило для Феликса никакого труда, поскольку след был ещё совсем свежим, да к тому же заканчивался буквально в сотне метров где-то внутри дворца, причём на чистой половине, то бишь в покоях, где проживали самые приближённые к тушке Эмира придворные. Судя по тому, что ниточка была окрашена в светло-розовые тона, ни о какой краже даже речи быть не могло. Тупая блондинка сама подарила эмиров перстень какому-то мужику, видимо, за услуги интимного характера.

— Ну какой же идиоткой нужно быть, чтобы так подставляться,— мысленно посетовал Феликс. — А мне-то что теперь делать? — задал он самому себе гораздо более актуальный вопрос.— Если я сдам её вместе с любовником, этой сладкой парочке, конечно, не позавидуешь. Оскорблённый в лучших чувствах ревнивец постарается превратить их последние минуты, а то и часы в натуральный ужастик. Но это было бы ещё полбеды, в конце концов, оба знали, на что шли. А вот заполучить недовольного клиента — это уже критично для моего собственного здоровья.

— Ну что ты видишь, маг? — Эмир от нетерпения и волнения едва ни выпрыгнул из своего атласного халата.

— Могу ли я задать вопрос твоей жене, мой господин? — уточнил Феликс чисто для проформы, поскольку этого требовал местный этикет. — Прекрасная Афтаб ведь и сама не знает, куда пропал перстень, верно? — он повернулся к дрожащей женщине и в упор посмотрел на то место кокона, где должны были находиться её глаза. Неизвестно, что подумала любвеобильная дамочка, но кокон изобразил согласный кивок. — Я спрашиваю не просто так,— тут же взял быка за рога маг,— дело в том, что ниточка ведёт в сад. Могла ли твоя жена обронить перстень во время прогулки? Он же, наверное, был слишком большим для её тонких пальчиков.

— Афтаб, ты надевала перстень, когда гуляла в саду? — нотка облегчения, которая помимо воли прорезалась в голосе эмира, ясно дала понять хитрому манипулятору, что он идёт верным путём.

— Только бы эта тёлка оказалась достаточно сообразительной, чтобы поддержать мою игру,— мысленно взмолился Феликс.

— Прости меня, мой господин,— голос у тёлки был низким, грудным, да ещё вдобавок с эдакой интимной вибрацией. Прямо-таки виагра, а не голос. Не удивительно, что престарелый эмир так на неё запал. — Я не хотела расставаться с твоим подарком,— с сообразительностью у блондинки тоже всё оказалось в порядке, что не могло не радовать.

— Ты сможешь найти перстень, маг? — Парваж вполне ожидаемо сразу заглотнул наживку вместе с крючком.

— Как ты можешь во мне сомневаться? — деланно возмутился Феликс. — Разумеется, я его найду. Только для этого мне нужно, чтобы твоя жена оставалась в этой комнате ещё некоторое время. Я установил связь между ней и оброненным перстнем, и мне потребуется эту

связь поддерживать, пока я буду обследовать сад. Да, и ещё,— он сделал вид, что вспомнил несущественную деталь, хотя успех задуманной операции полностью зависел именно от этой детали,— она должна находиться тут одна. Присутствие посторонних может внести помеху, и я потеряю след.

Как Феликс и рассчитывал, погрузившийся в расслабленную эйфорию клиент не заподозрил никакого подвоха, и буквально через десять минут ретивые евнухи очистили внутренний сад эмирского гарема от его обитательниц, после чего магу было дозволено туда проникнуть. Разумеется, Феликс не собирался искать в саду то, чего там не было, ему просто нужно было сориентироваться в обстановке, чтобы создать нужную мизансцену для предстоящего спектакля. Мизансцена в виде изящного горбатого мостика, соединявшего два берега небольшого пруда, вскоре была найдена и признана годной. После чего, соорудив сосредоточенную мину, маг потребовал, чтобы его проводили в его апартаменты для проведения ритуала поиска.

Оставшись один, Феликс сразу трансгрессировал в ту комнату, где томилась в ожидании приговора белокурая изменщица. Барышня уже успела выбраться из своего шёлкового кокона и охлаждалась от жаркого компресса на балкончике. К счастью, у неё хватило ума на то, чтобы не заорать благим матом при появлении мужчины. Всё-таки менталитет у блондинки был отнюдь не восточный. Феликс окинул взглядом ладную пышную фигурку, миловидное личико и бездонные бирюзовые глазки эмирского солнышка и оценивающе цокнул языком. Да, возлюбленная Парважа-паши действительно оказалась красоткой, правда, ей бы не помешало сбросить пяток килограммов веса. Впрочем, о вкусах не спорят.

— Писать умеешь? — сходу в карьер обрушился на перепуганную дамочку маг. — Пиши своему любовнику записку, чтобы отдал мне перстень.

— Я не могу,— женщина испуганно замотала головой.— Это подарок.

— Ну ладно,— Феликсу с трудом удалось скрыть за показным равнодушием обуявший его приступ бешенства,— тогда мне придётся поведать эмиру правду. Ты случайно не в курсе, как нынче при дворе твоего хозяина принято казнить неверных жён? — небрежно поинтересовался он. — Кстати, а их любовников ждёт та же участь, или их положено убивать каким-нибудь особым способом?

Откровенно манипулятивная тактика беспринципного мага сработала на ура. Видимо, любовная страсть всё же не полностью заместила в организме похотливой блондинки здравый рассудок. Так что уже через несколько минут Феликс сжимал в потном кулаке драгоценную безделушку, удивляясь щедрости и одновременно беспечности Эмира. В придачу к такому огромному бриллианту дарителю следовало бы обеспечить свою возлюбленную ещё и надёжным сейфом, да и охрана тоже не помешала бы. Впрочем, в этой локации работали совсем не те жизненные правила, что в его собственном мире. Здесь золото было просто средством, а истинной ценностью являлась только власть.

Ещё один поход Феликса в дамский сад увенчался победоносным обнаружением искомого колечка на дне неглубокого пруда с прозрачной водичкой. Команда евнухов быстренько обшарила сектор пруда под мостиком, указанный многомудрым магом, и вскоре довольный Эмир повёл дорогого гостя в свои покои, чтобы отметить радостное событие и расплатиться за услуги Ефремовой конторы.

— Осмелюсь предположить, что перстень случайно соскользнул с пальчика твоей жены, мой господин, когда она любовалась лебедями, стоя на мостике,— Феликс решил поставить победную точку в деле, чтобы у клиента даже мыслей не возникло о том, что его тупо развели. — Я бы посоветовал отдать его ювелиру и уменьшить размер. Хотя такой тяжёлый камень всё равно будет стремиться к земле. Может быть, лучше вставить его в ожерелье?

— Думаю, мне будет неприятно на него смотреть,— Эмир покрутил перстень в пальцах и протянул его магу.— Этот камень будет постоянно мне напоминать, что я посмел усомниться

в верности моей прекрасной Афтаб. Твой хозяин ведь не будет против, если я расплачусь за твою работу вот этим?

— Ты очень щедр, мой господин,— на этот раз Феликс смутился вполне искренне, поскольку стоимость камня превышала таксу за услуги раз в пять как минимум. — Ты ведь понимаешь, что заплатить золотом, как обычно, было бы дешевле.

— Знаю,— задумчивая улыбка расцвела на губах Парважа, делая его лицо почти приятным, — но оно того стоит. Сегодня ты вернул мне не просто перстень, ты вернул мне веру в любовь.

— Я рад, что сумел тебе угодить, мой господин,— на этом триумфальном аккорде маг по вызову закрыл очередное дело и отправился завтракать. И чего только не сделаешь, чтобы потрафить самолюбию престарелого богатенького папика, а заодно спасти задницу тупой похотливой курице с бирюзовыми глазами и сексуальным контральто.

Глава 2

Лица участников совещания были мрачны, хотя тёплое майское солнышко, сиявшее в голубых небесах подобно драгоценному топазу, никак не располагало к унынию. После недели проливных дождей тучи наконец уплыли за горизонт, предоставив жителям Лунда возможность покинуть опостылевшие за время ненастья дома и насладиться солнечными ваннами. За окнами королевских покоев щебетали птички, окружавшие замок вездесущие клёны шелестели едва проклюнувшимися клейкими листочками, и откуда-то доносился задорный детский смех. В воздухе, пропитанном ароматами распускающихся почек и влажной земли, витало такое радостное предчувствие приближения лета, однако настроение четверки, расположившейся вокруг совещательного стола, было очень далеко от радужного.

Шёл третий день после похорон правителя Скании, благородного Хальвдана Твёрдая Рука, и до объявления монаршей воли касательно его наследника оставалось всего несколько часов. Поскольку король умер бездетным, то по обычаю наследовать ему должен был либо его младший брат, либо кто-то из племянников. Впрочем, обычай сей пока не был настолько устоявшимся, чтобы сделать передачу власти безальтернативной, а потому народ Скании пребывал в волнении и ажиотаже, предвкушая, кто с радостью, а кто и со страхом, куда повернётся переменчивый флюгер дворцовых интриг.

Единственное, что можно было утверждать наверняка, так это то, что возмутительные реформы, которые с одобрения почившего в бозе величества насаждал непонятно откуда взявшийся тайный советник по имени Свен, со вступлением в должность нового монарха будут немедленно свёрнуты. Более того, довольно большая часть сканской знати откровенно предвкусывала, что и реформатору тоже свернут шею, а некоторые уже открыто обсуждали, как именно его казнят. Поскольку одним из участников совещания был как раз тот самый реформатор, то уныние его свиты было вполне оправдано.

Впрочем, собравших на тайный совет соратников Свена расстраивала не столько перспектива для их босса расстаться со своей брэнной плотью, сколько сопутствующий сему расставанию провал миссии по внедрению реформ. Дело в том, что ни сам Свен, ни его команда не были коренными жителями данной локации, да и вообще людьми. Двое из них были аэрами, один – альвом, а как следовало идентифицировать единственную даму в их суровой мужской компании, вообще оставалось загадкой даже для самой Найоли. Да, когда-то она действительно была человеком, но неожиданный синергетический эффект взаимодействия двух магических артефактов превратил её в могущественное и практически неуязвимое существо, которому для жизни даже не требовалось физическое тело.

То тело, в котором Найоли сейчас пребывала, было взято напрокат у одной городской мещанки. Кстати, у альва в реальности Игры своего физического тела тоже не имелось, но в отличие от своей магической соратницы Шахин не оккупировал тела местных жителей на постоянной основе. Ему частенько приходилось менять носителей в соответствии с планами руководителя оперативной группы, коим являлся аэрский оперативник круга Офира Вит. На данный момент альв пребывал в теле матёрого хольда, служившего телохранителем тайного советника Свена, роль которого Вит как раз и выполнял.

Четвёртый участник совещания формально не входил в оперативную группу. Вран был куратором от круга Офира, но в действительности именно он как раз больше всего переживал из-за провала операции. Впрочем, печальная участь друга волновала его куда больше, нежели судьба реформ в отдельно взятой локации Игры. А вот самого Вита перспектива оказаться на плахе совершенно не огорчала. Для аэра, к тому же подписавшего контракт Офира, смерть игровой оболочки вовсе не была трагедией. Напротив, это был очередной балл в игре, который приближал его к окончанию контракта и возвращению в Аэрию. Зато судьба запущенных

его командой реформ заботила руководителя проекта не по-детски. В конце концов, он уже потратил целых три года на преобразование Скании и совершенно не был готов так просто слить достигнутый прогресс из-за нелепой смерти правителя подшефного королевства.

— А я тебе говорил, что идея отказаться от прямого управления была ошибкой,— укоризненно покачал головой Вран, обернувшись к главе оперативной миссии. — Если б ты сам занял трон, то сейчас тебе не нужно было бы ломать голову, как сохранить свои наработки. Этот твой Хальвдан вообще был не очень здоровым человеком, да к тому же уже в летах.

— Нет, идея была правильной,— Вит упрямо набычился. — Оставаясь в тени, я получил гораздо больше свободы для проведения реформ, и не нужно было тратить кучу времени на дурацкие церемонии. Кто ж мог представить, что этот крепкий мужик окочурится от какой-то вульгарной простуды?

— Не уверен, что смерть короля была естественной,— губы Шахина скривились в скептической гримасе.— Уж больно всё случилось внезапно.

— Согласна,— внесла свой вклад в дискуссию Найоли. — Не бывает таких скоротечных простуд. Скорей всего, Хальвдана отравили. Ну уж лучше его, чем Вита.

— Ты прям сама доброта,— Шахин язвительно ухмыльнулся. — Нет, я согласен, что если бы на троне сидел Вит, то убийцы метили бы в него,— тут же принялся оправдываться альв. — Так что идея подставить под удар аватара была вполне разумной.

— Хочешь сказать, что Хальвдан пострадал из-за моих действий? — нахмурился Вит. — Что ж, это весьма вероятно. Я же действовал от его имени.

— А как ты добился такого полного доверия со стороны короля? — Вран отбросил свой скепсис, и в его глазах засветилось любопытство. Вит с Шахином переглянулись и захохотали в две глотки. Найоли тоже не удержалась от ехидного смеха. — Ну понятно, без альва тут не обошлось,— брезгливо скривился куратор от круга Офира.— А ты не слишком злоупотребляешь их способностью захватывать человеческие тела?

— Ну должны же альвы отрабатывать своё освобождение,— Вит беспечно пожал плечами. — Только не говори, что Ванаг с Сореном бьют баклуши при дворах моих коллег по проекту.

Нужно сказать, что трое альвов, когда-то упорно преследовавшие контрактника Офира, действительно присоединились к проекту Вита не совсем добровольно. Разработанное совместно аэрскими и артанскими учёными оружие, которое блокировало способность альвов прыгать из одного тела в другое, не только лишило охотников возможности эффективно выслеживать свою жертву, но и сделало их самих мишенью. Если бы в своё время Вит ни сжалился над своими непутёвыми преследователями и ни согласился их освободить, то ещё неясно, что стало бы с провалившимися заданием альвами. Скорей всего, их бы тупо пустили в расход их же мстительные соотечественники.

— Пашут твои альвы без перерыва на обед,— судя по скорбной гримасе, которая при этих словах появилась на физиономии Врана, тот был явно недоволен состоянием дел в хозяйствах остальных участников операции круга Офира.

— Что опять не так? — Вит с подозрением воззрился на друга. — Снова будешь требовать, чтобы я чем-то поделился? Шахина не отдам, даже не проси.

— Нет, последнего альва я у тебя не заберу,— поспешил успокоить его Вран. — Ты сделал для Троварда и Мины уже достаточно, но у них всё равно ничего не выходит, и я не понимаю почему. Один провал миссии следует за другим, и короткий период весьма относительного прогресса сменяется погружением локации в такую депрессивную яму, что лучше бы они вообще ничего не делали.

— Ну не знаю,— Вит озадаченно пожал плечами.— В качестве стажёров они работали вполне грамотно. Ты же уверял меня, что всё дело в том, что без альвов они не могут проворачивать свои операции. Я честно поделился, хотя это и снизило мои возможности влияния. Что я ещё могу сделать?

— Прости моё занудство, я понимаю, что не вовремя,— повинился Вран. — Из-за смерти короля тебе теперь придётся сворачивать свою миссию и начинать всё заново в другой локации. Ну да не беда, не велика потеря,— он довольно фальшиво попытался изобразить энтузиазм, которого отнюдь не испытывал.— Вряд ли ты успел запустить реформы в полную силу за три года. Интересно, наследники Хальвдана оставят хоть что-то от твоих начинаний?

— Плохо же ты меня знаешь,— Вит снисходительно хмыкнул. — Во-первых, я успел не так уж мало. Как минимум церковники уже ходят по струнке и не лезут в светские дела. А во-вторых, никуда я бежать не собираюсь.

— Но тебя же казнят,— в голосе Врана прозвучало такое возмущение, словно для контрактника Офира смерть была чем-то постыдным. А ведь, по сути, множественные перевоплощения в Игре являлись просто частью его контракта.

— Ах, какая трагедия,— притворно запричитал Шахин. — Никогда такого не было, и вот опять. А как ты себе представляешь переезд Вита в новую локацию? Насколько я знаю, симулятор контрактника такой услуги не предоставляет. Всё равно придётся умирать.

— Не обязательно же доводить дело до плахи,— Вран насупился, словно его оскорбили в лучших чувствах. — Если автора реформ публично казнят, то и сами реформы зачистят под ноль.

— Ну да, лучше сбежать и дать всем понять, что реформы были чистой профанацией,— презрительно фыркнул Шахин.— Да ты не переживай, куратор, до казни дело не дойдёт. Вит всё продумал.

— Видишь ли, в чём дело,— ехидная улыбочка на губах Найоли сразу превратила чопорную великосветскую даму в шаловливую девчонку,— так уж сложилось, что новым правителем Скании будет объявлен бывший тайный советник почившего короля Хальвдана,— она кокетливо чмокнула своего возлюбленного в щёчку. — Так что ты действительно совсем не вовремя со своими жалобами, у нас и без того дел невпроворот.

— Ты всё-таки захватил власть в Лунде? — возмущённый взгляд Врана буквально прожёг дырку во лбу Вита. — Какого чёрта нужно было так рисковать с дворцовым переворотом? Мало других локаций, что ли?

— Полегче, босс,— весело рассмеялся новоиспечённый король.— Не было никакого переворота, Хальвдан самолично назначил меня своим преемником на смертном одре, и никто не посмел возразить. Так что позвольте представиться: его величество король Скании Свен... — Вит запнулся и повернулся к Найоли.— Как думаешь, милая, мне стоит назваться Свеном Отважным или всё-таки лучше Мудрым?

— Может быть, Красивым? — Найоли хитро подмигнула своему венценосному возлюбленному.

— Не, в этой локации народ простой и к тому же обожает метафоры,— возразил Шахин. — Лучше Свен Острый Меч или на крайняк Железный Кулак.

— Клоуны,— Вран не удержался от не слишком конструктивной критики действий своего оперативника. — Хотите, чтобы вашего начальника ещё раз отправили на костёр за колдовство? Ежу же понятно, что Хальвдан не мог в здравом уме отдать власть какому-то чужаку. Это был Шахин, не так ли.

— Между прочим, сидеть в теле умирающего носителя — это то ещё удовольствие,— обиженно пробурчал альв. — Мне за подобные трюки вообще положен дополнительный отпуск.

— Думаю, наш куратор от круга Офира мог бы уже и привыкнуть к тому, что его друг никогда не бросает дела на полпути,— Найоли состроила Врану язвительную гримаску. — Может быть, именно в этом секрет его успеха? Как считаешь?

— Или в том, что Вит — истинный ратава-корги,— взгляд куратора задумчиво уставился в потолок. — Он каким-то образом умудряется быть с аватарами на одной волне, но при этом оставаться игроком. Не смотрите на меня как на дебила,— цыкнул он на Шахина и Найоли. Была

в Аэрии такая организация, члены которой буквально жили в Игре, и Вит в своей прошлой жизни, когда его ещё звали Ро, состоял в этой организации.

— Так вот откуда взялись его навыки игрока,— альв обиженно засопел. — Да уж, свезло нам с клиентом. Мало того, что Вит оказался сталкером, так ещё вдобавок с многолетним опытом игрока. А туда же, дилетантом прикидывался.

— Так я и был дилетантом,— отозвался бывший ратава-корги. — Я ж ничего об этом Ро не помню.

— Мастерство не пропьёшь,— Вран ободряюще хлопнул друга по плечу. — Но если честно, я бы предпочёл видеть тебя за игровым столом Офира, а не оперативником в поле. Ты мог бы принести гораздо больше пользы в качестве аналитика и наставника. В конце концов, твои точечные прорывы в области изменения шкалы ценностей аватаров не решают проблемы их деградации в целом.

— Ну и что бы я делал за тем самым столом? — снисходительно фыркнул Вит. — Вы же так и не выяснили, какие ментальные концепты, болтающиеся в аватарском инфополе, опускают бедолаг в деградацию.

— Да, воздействовать на Игру через инфополе мы пока не можем,— в голосе куратора от круга Офира слышалось откровенное уныние. — Сначала нужно понять, с чем мы столкнулись.

— Вот-вот,— Вит победоносно ухмыльнулся,— пусть твои умники поломают свои учёные мозги за игровым столом, а я уж как-нибудь тут, в поле, попробую понять, какая муха укусила аватаров. Да и не смогу я вернуться в Аэрию до окончания срока контракта, а мне до сего счастья, как до луны. Я пока даже четвёртый десяток воплощений не разменял.

— В твоём контракте уже нет никакого смысла,— посетовал Вран. — Вся эта история с контрактами Офира затевалась с единственной целью — выявить скрытых сталкеров, а мы и без контракта знаем, что ты сталкер. Нужно сбросить настройки твоего симулятора и вернуть тебя в Аэрию,— он высказал своё предложение с таким уверенным видом, словно это было плёвое дело.

— Хочешь превратить меня в аватара?— на губах Вита появилась скептическая усмешка. — Всем же известно, что любое вмешательство в работу симулятора контрактника Офира запустит режим ликвидации игрока. Насколько я знаю, взломать его защиту невозможно.

— Да, эти симуляторы программировал настоящий гений,— согласился Вран.— Никому до сих пор не удалось даже просто понять, как работают программы Литара. Но сам-то он точно знает, какие алгоритмы защищают симуляторы контрактников от взлома. Значит, сможет разблокировать защиту.

— Литар? — Вит нахмурил лоб, словно пытался что-то вспомнить. — Звучит знакомо. Вроде бы мне это имя попадалось в исторических хрониках. А не так ли звали программиста, который запер сотни тысяч аэрских игроков в Игре?

— Да, это именно Литар создал программу стирания, — кивнул Вран. — Но вообще-то, вы были знакомы лично и даже были коллегами. Литар ведь как раз и стоял у истоков организации ратава-корги, которой ты преданно служил не одну сотню лет. Если бы ты озабочился возвращением своей памяти, то хроники тебе бы не понадобились.

— Что-то пока не хочется,— Вит недовольно скривился. — Ты же сам говорил, что я был пленником Пятёрки. Думаешь, со мной там обращались как с дорогим гостем? О таких вещах лучше забыть навсегда. Согласен? Так этот твой Литар сможет перепрограммировать мой симулятор и вернуть меня в Аэрию?

— Технически, да,— взгляд Врана вдруг словно потух, и лицо исказила болезненная гримаса. — Трудность лежит, скорее, в этической плоскости, но я подумаю, что тут можно сделать.

Резкий переход от воодушевления к растерянности ясно дал понять команде оперативников, что эта самая этическая сторона вопроса была для их куратора натуральным камнем преткновения.

— Не заморачивайся, я как-нибудь закончу свой контракт без посторонней помощи, — Вит вылез из-за стола, подошёл к Врану и обнял его за плечи.— Да и какой из меня аналитик? Я типичный оперативник, моё место в поле, а не за пультом управления. Так что вы уж там сами как-то разбирайтесь с аватарским инфополем, а у нас тут своих забот полон рот.

— Для начала нашему начальнику неплохо было бы просто выжить,— угодливо поддакнул Шахин.

— Может, вернуть твоих альвов? — Вран тут же ухватился за возможность отвлечься от своих фрустраций. — Они тебе сейчас нужнее, чем твоим коллегам.

— Не, эта парочка ничего в раскладе сил не изменит,— задумчиво покачал головой Вит. — Мне сейчас противостоит целый семейный клан королевского братика в количестве не менее десяти особей. Даже трёх альвов на всех не хватит. А если наши штатные лицедеи начнут скакать из одного носителя в другого, кто-нибудь может и догадаться, что дело нечисто. Тогда легитимность передачи власти чужаку сразу будет поставлена под большой вопрос. Вот только ещё одного обвинения в колдовстве мне и не хватает для полного счастья.

— А не братишка ли ухайдокал своего венценосного родственничка? — Шахин скептически хмыкнул. — Надоело ему ждать своей очереди, вот и подсуетился.

— Я бы не удивился,— согласился с предположением альва Вит,— мне герцог Рандруп всегда казался решительным мужиком. По крайней мере, дом Веделей он держит в ежовых рукавицах.

— Собираешься поступить с убийцей симметричным образом? — Вран скорее утверждал, чем спрашивал, поскольку аэрский оперативник обычно не стеснялся в выборе средств для захвата власти. Правда, Вит не опускался до привлечения наёмных убийц, а брался за это кровавое дело сам. Однако учитывая то, что он был спецом по боевым искусствам, вряд ли можно было считать его поединки с претендентами на трон честной игрой.

— Боюсь, тупо нейтрализовать главу клана Веделей не вариант,— в голосе Вита послышалось откровенное разочарование.— У этого хмыря имеется целый выводок весьма авантюрных детишек и племяшей.

— Тебе видней,— Вран не осмелился оспаривать решение профессионального махинатора. — Но как же ты тогда собираешься справиться с фрондой?

— Да как обычно, с помощью вульгарных дворцовых интриг,— рассмеялся Вит.— Выведу этих Веделей из игры одного за другим. Вот только с выживанием действительно придётся попотеть. Когда единственным препятствием к трону является какой-то чужак, здесь все средства хороши.

— И каковы шансы на то, что это ты с ними расправишься, а не они с тобой? — Вран скептически усмехнулся. — На мой неискушённый взгляд— на уровне погрешности.

— Пока конкретного плана у меня нет, так что не дави,— в голосе Вита совсем не чувствовалось отчаяния, что было бы естественно в данных обстоятельствах. Похоже, трудности его совсем не пугали, а напротив, вызвали эдакий охотничий азарт. — Буду действовать по обстановке, а там поглядим.

— Что ж, тогда и я буду действовать по обстановке,— согласился Вран. — Принимай нового стажёра, оперативник.

— Это тебя, что ли? — Шахин бросил скептический взгляд на самоназначенного стажёра. — Да ты элементарно проколешься на незнании местной специфики.

— Я быстро учусь,— заверил злого скептика Вран. — А вам сейчас лишние руки точно не повредят.

— Ну нет, — Вит замахал руками, что твоя мельница,— место командира в штабе, а не на передовой.

— Место командира там, где он нужней всего,— голос Вран прозвучал одновременно беспечно и назидательно. — Если я не могу вернуть тебя в Аэрию, чтобы ты мог разобраться в причинах неудач остальных оперативников, то я сам разберусь в причине твоего успеха прямо на месте. Ты лучше подумай, как меня легализовать, чтобы я мог наблюдать за твоей работой из первого ряда партера. Как насчёт телохранителя? — предложил он. — Опыт у меня уже есть, а тебе, если я правильно понимаю расклад, придётся постоянно опасаться за свою жизнь.

— Ты только не обижайся, но место телохранителя уже занято,— Вит сконфуженно потупился и кивнул в сторону Шахина. — С покушениями людей я как-нибудь справлюсь, а вот вовремя засечь альва сможет только альв.

— Я думал, что после того, как мы начали использовать дротики с наночастицами, и альвы лишились восьмерых охотников, тебя оставили в покое,— удивился Вран. — Неужели они так и не угомонились?

— Они упрямые,— в голосе Вита послышалось искреннее уважение к противнику,— и теперь стали действовать не так нагло и топорно, как раньше. Так что обычному аэру раскусить их игру без шансов. Вот только в прошлом месяце они меня едва ни сцапали, и если бы Шахин вовремя ни забил тревогу, мы бы тут с тобой не разговаривали.

— Да уж, было дело,— покачал головой альв. — Подсыпали Виту в питье снотворное, а потом один влез в тело мальчишки и забрался по плющу в окно. Когда клиент благополучно заснул, пацан позвонил в колокольчик, типа, вызвал слуг. Ну а под видом слуг, сам понимаешь, кто отправился в кабинет тайного советника. Хорошо, что я их засёк и зафиксировал с помощью дротичного пистолета. Двое до сих пор сидят в казематах, а мальчишка всё-таки утёк.

— Согласен, Шахин вне конкуренции,— Вран оценивающе цокнул языком. — Но разве у короля не может быть двух телохранителей?

— Может,— согласился Вит,— но ты мне гораздо больше поможешь, если займёшься королевской гвардией. Там сейчас полный бардак. Капитан гвардейцев со смертью Хальвдана подал в отставку, а его хольд из Веделей. Как бы дело не дошло до вооружённого мятежа.

— Почему гвардией а не армией? — Вран озадаченно нахмурился. — Или в Скании нет регулярной армии?

— Есть, но там всё непросто,— устало вздохнул Вит. — Во главе армии стоит племянничек усопшего короля и наследник герцога Рандрупа граф Кристен. По доброй воле он свои полномочия не сдаст, а для открытой конфронтации с Веделями пока рановато.

— Ладно, гвардия, так гвардия,— Вран покладисто кивнул.— Гвардейский капитан ведь имеет свободный доступ к королевскому телу, не так ли? — он вопросительно посмотрел на Вита, однако тот в свою очередь перевёл взгляд на Найоли.

— Только не ночью,— отрезала любимая женщина аэрского оперативника.

Глава 3

Из всех клиентов Ефремова агентства магических услуг Бейранца Феликс выделял особо и всегда с энтузиазмом откликался на его вызовы. Настоящее имя принца Бейры было довольно длинным и вычурным, однако в частных беседах сей сиятельный гранд позволял называть себя просто дон Фернанду. В отличие от Эмира, Бейранец никогда не разменивался на идиотские задания вроде поиска драгоценных безделушек, все его вызовы были более чем обоснованными. В общении с магом по вызову он держался как бы на равных, никогда не демонстрировал своё знатное происхождение, да и вообще был приятным во всех отношениях человеком.

В принципе, все без исключения клиенты Ефрема были не просто очень богатыми и знатными, но и обладали значительными властными полномочиями. Оно и понятно, ведь не имея доступа ресурсам подконтрольных территорий, им было бы весьма затруднительно оплачивать магические услуги Ефремовой конторы. Так что списком громких титулов Феликса было не удивить, а вот что его действительно поражало во владениях Бейранца, так это прямо-таки необъяснимое умиротворение и расслабленность жителей Бейры.

Маг довольно часто использовал свои визиты к клиентам для того, чтобы познакомиться с местными достопримечательностями, так что имел возможность сравнивать обстановку. Нужно сказать, что далеко не везде эта самая обстановка располагала к беспечности, и обыкновенная прогулка по живописным окрестностям запросто могла закончиться плачевно для зазевавшегося экскурсанта. Столица Бейры Коймбра была в этом отношении приятным исключением. Чистые улочки, обилие зелёных насаждений и цветов, ухоженные дома и спокойные доброжелательные жители, всё это свидетельствовало о том, что дон Фернанду был не только приятным собеседником и благородным грандом, но и хорошим хозяйственником.

И всё же личные качества клиента были далеко не главной причиной, заставлявшей Феликса с нетерпением дожидаться очередного вызова от его любимчика. На самом деле мага по вызову манила возможность получить доступ в кабинет Бейранца. Собственно, сама по себе обстановка кабинета, хоть и несла в себе отпечаток как богатства, так и хорошего вкуса, но Феликса мало интересовала. Он таких кабинетов за сотню лет службы у Ефрема повидал немало. Однако в этом конкретном кабинете имелаась одна деталь, которая притягивала к себе пресыщенного жизнью артанца подобно мощному магниту.

Сей деталью была статуя, располагавшаяся в неглубокой нише рядом с выходом на балкон. Статуя изображала совсем юную девушку в лёгком, развивающемся на невидимом ветру платье. Девушка стояла на мысках и держала в правой, поднятой к небу руке птицу, видимо, собиралась отпустить её на волю. Тело девушки было напряжено подобно струне, как будто она хотела улететь вслед за своей крылатой подружкой, а вот лицо было отрешённым и задумчивым. Видимо, любительница свободного полёта всё-таки понимала тщетность своих желаний и бестрепетно принимала свою судьбу.

Когда Феликс впервые увидел девушку с птицей, его буквально ошеломил этот контраст между быющей через край молодостью с её страстными порывами и совершенно недетской мудростью. Но главное, он сразу почувствовал что скульптор создал сей шедевр вовсе не с целью продемонстрировать зрителям свой талант, он словно поделился поразившей его самой тайной, скрытой в душе девушки. Этот загадочный флёр производил такой сногшибательный эффект, что заинтригованный маг застыл перед статуей с открытым от изумления ртом, позабыв как про свою работу, так и про весь остальной мир.

Разумеется, столь неподобающее поведение какого-то жалкого слуги, пусть даже с магическими талантами, было совершенно недопустимо с точки зрения придворного этикета, однако дон Фернанду отнёсся к нему с пониманием и снисходительностью. Он даже не стал делать замечания, дав Феликсу несколько минут, чтобы вдоволь насладиться созерцанием сво-

его богатства. Дело в том, что подобная реакция гостей на статую была для принца Бейры привычной. Правда, обычно гости реагировали таким образом не на тот эмоциональный заряд, который несло в себе сие действительно талантливое произведение искусства, а на его запредельную стоимость.

Оно и понятно, ведь статуя была отлита из розового золота и вдобавок украшена самоцветами. Радужки глаз девушки были сделаны из звёздчатого чёрного сапфира, чуть приоткрытые губы – из розового рубина, а развевающиеся локоны были инкрустированы пластинками дымчатого топаза. Рисунок на платье представлял из себя мозаику из самоцветов самых невообразимых цветов. Птица тоже была золотая, только из белого золота. Её глаза сияли синими сапфирами, и точно такие же сапфиры украшали шейку девушки. В общем, стоила вся эта красота целое состояние.

– Тебе нравится? – утомившись ждать, когда же маг по вызову соизволит вынырнуть из своего блаженного транса, Бейранец всё-таки решился напомнить о цели его визита.

– Потрясающе! – заворуженно прошептал Феликс, не в силах оторвать взгляда от отрешённого лица девушки. – Кто это? Твоя дочь или жена?

– Увы, у меня пока нет детей, а жена... – дон Фернанду огорчённо вздохнул и перевёл взгляд на портрет, украшавший стену над его рабочим столом. – Донна Бранка, она совсем другая.

На портрете была изображена женщина лет двадцати пяти с печальным и невыразительным лицом. Нужно сказать, что имя Бранка, означавшее «белая», ей подходило просто идеально. Её светлая, почти молочная кожа, бледно-голубые, словно выцветшие глаза, и волосы цвета серебра практически сливались с платьем из серо-жемчужного шёлка. Женщина казалась какой-то ненастоящей, словно слепленной из воска. Даже жемчужное ожерелье, украшавшее её шею, выглядело более живым, чем её потухший взгляд. Если эта призрачная дамочка была женой принца, то не удивительно, почему он до сих пор был бездетным.

– Не могу поверить, что статуя девушки с птицей является просто фантазией скульптора, – пробормотал Феликс, удостоив портрет принцессы лишь мимолётным взглядом. Наверное, правила элементарной учтивости требовали, чтобы гость сказал несколько комплиментарных слов в адрес хозяйки дома, но он был настолько заворужен статуей, что проигнорировал более чем прозрачный намёк клиента.

– Статую подняли с затонувшего корабля, – небрежно бросил дон Фернанду, сделав вид, что не обиделся, – поэтому прототип неизвестен. Давай вернёмся к делам, если не возражаешь.

Феликсу ничего не оставалось, как подчиниться воле принца, но с тех самых пор он буквально помешался на статуе девушки с птицей и не упускал возможности снова ею полюбоваться, когда поступал очередной вызов из далёкой Коимбры. Вообще-то, годы службы на ниве исполнения капризов земной знати давно уже превратили артанского мага в завязного циника. Его трудно было удивить роскошью апартаментов или богатством украшений, да и произведений искусства в домах своих клиентов Феликс повидал немало, однако едва взглянув в лицо золотой девушки, он буквально потерял покой.

Разумеется, прагматичный артанец никак не мог реально влюбиться в неодушевлённый предмет, да и прототип статуи, явись вдруг сия милашка во плоти, вряд ли смог бы пробудить его чувства. В конце концов, этот самый прототип вовсе не был эталоном женской красоты, в постель Феликса попадали и более привлекательные местные самочки. Однако истинной страстью Феликса были отнюдь не люди и не драгоценности или произведения искусства, хотя коллекционированию последних он и уделял большую часть своего свободного времени. Эти экспонаты интересовали его вовсе не из-за их стоимости или красоты, а исключительно потому, что несли в себе тайну. Именно тайны Феликс и коллекционировал.

Загадка того или иного экспоната его коллекции могла заключаться как в технологии его изготовления, так и в истории его обнаружения, однако больше всего коллекционер любил

разгадывать загадки, которые закладывали в свои поделки их авторы. В этом отношении статуя девушки с птицей была просто воплощённым идеалом экспоната его коллекции. В ней имелось всё: и запредельное мастерство мастера, и столь же запредельные ресурсы заказчика статуи, но главное, эта девушка несла в себе тайну. Ведь не просто же так какому-то богатею вдруг вздумалось воплотить в металле этот щемящий конфликт между мечтой и реальной жизнью.

Глядя на статую, Феликс даже самому себе не смог бы признаться, а так ли уж ему хочется разгадывать эту загадку, однако уже само по себе прикосновение к тайне девушки завораживало, и его желание обладать статуей постепенно переросло в своего рода манию. Наверное, если бы не угроза расправы со стороны работодателя, маг по вызову не удержался бы и тупо стырил собственность клиента, однако свою жизнь Феликс ценил всё же больше, чем тайны, и умирать за очередной экспонат своей коллекции был не готов. А Ефрем точно не простил бы ему потери такого важного клиента, как принц Бейры, и достал бы вора хоть на краю света.

Наверное, Феликс ещё долго продолжал бы изнывать от невозможности обладать золотой девушкой, если бы однажды, прогуливаясь по узким улочкам столицы Гиркании Задракарте, ни набрёл на мастерскую достопочтенного Бабака. Осмотрев выставленные на продажу поделки, Феликс был приятно удивлён, если не сказать, поражён талантом скульптора и ювелира. Вот тогда-то в его голове и созрел безумный план: создать копию так понравившейся ему статуи. Разумеется, на то, чтобы обзавестись нужным количеством драгметаллов и камешков заработка мага по вызову было маловато, но Феликса это не смутило. Розовое золото вполне можно было заменить бронзой, а драгоценные самоцветы – стекляшками, главное, чтобы черты лица девушки не претерпели искажений.

Дело оставалось за малым: сфоткать статую со всех ракурсов, чтобы Бабак-ага представлял, чего от него хотят. В свой очередной визит к Бейранцу Феликс прихватил смартфон и, оставшись один в кабинете, устроил золотой девушке экспресс фотосессию. Однако дальше дело застопорилось, поскольку демонстрировать фотографии или, не дай бог, экран смартфона средневековому обывателю было занятием весьма недалёковидным. Мастер мог и донести на странного клиента городским стражникам. Разумеется, причинить какой-то ощутимый вред артанцу, способному мгновенно переместиться в любую точку реальности Земли, было трудновато, но с работой в данной локации ему пришлось бы попрощаться.

Сначала Феликс решил тупо нанять какого-нибудь местного художника из более продвинутой в техническом плане локации, чтобы тот перевёл фотки в рисунки, но это тоже было чревато. Художники, готовые работать за плату, как правило, были довольно алчными и зачастую нечистоплотными в делах. А столь дорогая статуя представляла из себя слишком лакомую приманку, чтобы можно было довериться незнакомцу без опасения оказаться жертвой шантажа, а то и прямого насилия. В результате, Феликс стиснул зубы и начал рисовать сам. Как ни странно, у него обнаружились вполне достойные художественные способности, и дело сдвинулось с мёртвой точки. Уже через год он явился к достопочтенному мастеру Бабаку с кучей эскизов и сделал заказ.

Так уж случилось, что очередной вызов Бейранца совпал по времени со сроком, который назначил своему заказчику скульптор, и Феликс счёл это добрым знаком. Он надеялся быстренько разделаться с заданием и сразу же отправиться в мастерскую, чтобы наконец сделаться обладателем вожаемой статуи. Увы, жизнь оказалась куда как изобретательней хитрого артанца. Перемену обстановки в кабинете дона Фернанду маг почуял буквально с первой секунды. Ему даже не потребовалось включать эфирное зрение, чтобы уловить явные признаки уныния, если не сказать, отчаяния, в облике всегда спокойного и самоуверенного гранда.

– Чем я могу услужить принцу Бейры? – учтиво поинтересовался маг по вызову.

– Ты можешь изменить чью-то внешность? – дон Фернанду не стал разводить церемонии и сходу взял быка за рога.

– Я могу создать иллюзию, – вопрос клиента Феликса слегка озадачил, до сих пор ему не приходилось сталкиваться с подобными заданиями.

– А эта иллюзия будет расти вместе с... – дон Фернанду запнулся, подбирая слова, но так и не нашёл нужных, а потому просто замолк.

– Принц желает изменить облик ребёнка? – выдвинул предположение маг и по загоревшимся надеждой глазам Бейранца сразу понял, что попал в точку. – Увы, это невозможно, – Феликс сочувственно улыбнулся. – Иллюзия сможет двигаться, говорить и даже есть, но она не станет взрослеть, поскольку не является настоящим телом. Создание иллюзии – это вообще очень временное и, честно говоря, ненадёжное решение для того, чтобы кого-то спрятать. В окружении ребёнка ведь могут оказаться люди, невосприимчивые к внушению.

– Жаль, я надеялся, что мне не придётся от него избавляться, – дон Фернанду действительно выглядел расстроенным, хотя голос его оставался твёрдым и уверенным.

– Избавляться? – вот такого Феликс никак не мог ожидать от благородного гранда. Не то чтобы он был таким уж завзятым гуманистом, но ведь речь шла о ребёнке. – Неужели дон Фернанду готов убить невинное дитя? – ошарашенно пробормотал маг.

– Бог с тобой, – отмахнулся от обвинения Бейранец, – я бы никогда так не поступил даже с чужим ребёнком, а этот мне очень дорог, ведь он – это всё, что осталось от моей любимой Бранки.

– Принцесса умерла? – Феликс поспешил построить соответствующую скорбной вести сочувственную гримасу. – Мне очень жаль. Но тогда выходит, что ты говоришь о своём наследнике. Я прав?

– В том-то и дело, – отрешённо пробормотал безутешный вдовец. – Идём, – он решительно направился на выход из кабинета, – сам всё поймёшь.

Поплутав немного по коридорам дворца, они спустились в цокольный этаж и наконец остановились перед неприметной низенькой дверцей, прятавшейся в тёмной нише. Дон Фернанду достал ключ и отпер замок. Внутри небольшого и довольно уютного помещения царил полумрак, тем не менее обстановка не вызвала сомнений в том, что это была детская спальня. При появлении принца пухлая темнокожая тётка, сидевшая около колыбельки, резво вскочила на ноги и бесшумно, словно летучая мышь, упорхнула в смежную комнату.

Повинуясь приглашающему жесту хозяина, Феликс подошёл к спящему ребёнку и с трудом удержался от нецензурного комментария. Нет, назвать младенца чистокровным мавром было бы, наверное, несправедливо, однако он совершенно точно не мог родиться у двух светлицы и блондинистых родителей. Кожа ребёнка была не совсем чтобы чёрной, но всё же очень смуглой, зато короткие волосики, которые уже принялись свиваться в типичные негритянские крендельки, были чёрны, как уголь. Да и пухлые губки в купе с широкими крыльями приплюснутого носика ничем не напоминали благородные профили правителей Бейры.

– Да уж, проблема, – Феликс украдкой бросил взгляд на длинные золотистые локоны, выющиеся по плечам дон Фернанду, и озадаченно нахмурился.

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу признать этого мальчика своим наследником, – обречённо вздохнул Бейранец. – Если только пройдёт слух, что жена мне изменила, Бейру накроет волна междоусобиц. Никто не станет подчиняться тому, кто даже собственную жену не смог подчинить.

– И каков план? – Феликс напрягся в ожидании явно нетривиального задания. – Как я могу помочь?

– Забери его, – в глазах Бейранца отразилась боль, видимо, решение расстаться с ребёнком любимой жены далось ему нелегко. – Я не рискну довериться кому-то из приближённых, да и вывезти ребёнка из дворца тайком вряд ли удастся. А ты ведь можешь мгновенно перенестись куда угодно, верно?

– Это не проблема, – у Феликса сразу словно тяжёлый груз с плеч свалился. При всём его цинизме в отношении жителей Земли, ему всё-таки было не по себе участвовать в расправе над ребёнком. – И куда прикажешь его перенести?

– Сам решай, – мрачно процедил Бейранец. – Я не смогу его спрятать так, чтобы никто не нашёл, так что лучше мне этого даже не знать. Но я дам тебе достаточно золота, чтобы этот мальчик ни в чём не нуждался.

– Хорошо, я его спрячу, – Феликс едва удержался от открытого проявления радости. Золото сейчас было очень кстати, поскольку для оплаты работы мастера Бабака заказчику пришлось буквально обнулить свои запасы. – Дай мне пару дней, чтобы подготовить подходящее место для ребёнка, – попросил он.

– Это ещё не всё, – обломал радужные планы мага по вызову дон Фернанду. – Я хочу, чтобы ты нашёл родного отца этого ребёнка. К сожалению, донна Бранка скончалась сразу после родов и не успела поведать мне, кто посмел совершить над ней насилие.

– Ты собираешься сделать этого ребёнка полным сиротой? – в голосе Феликса, помимо его воли, прорезались укоризненные нотки.

– Покарать насильника – это святой долг мужа и правителя, – надменно процедил сквозь зубы рогагоносец.

– А если... – Феликс хотел было высказывать предположение, что никакого насилия могло и не быть, но вовремя осёкся. Даже намёк на то, что благородная донна добровольно отдалась какому-то мавру, был равносильен оскорблению. – Что если отец ребёнка покинул Бейру? – быстро нашёлся лицедей.

– Думаю, для тебя не составит труда отыскать насильника и доставить его в мой дворец, – отрезал дон Фернанду.

– Хорошо, – Феликсу ничего не оставалось, как подчиниться. Он, конечно, понимал, что встреча с обманутым мужем не принесёт мавританскому папочке ничего хорошего, однако отказ от исполнения пожелания клиента стоил бы Ефремовой конторе серьёзных финансовых потерь в виде выплаты неустойки, а самому отказнику – его никчёмной жизни. Так что капризничать не приходилось. – Оставь меня ненадолго наедине с ребёнком, – попросил маг, – я отслежу его связь с отцом.

Бейранец кивнул и вышел из спальни, не забыв запереть дверь на замок, а Феликс склонился над колыбелькой и включил эфирное зрение. Увиденное ошарашило его настолько, что маг буквально застыл с открытым ртом. Аура невинного спящего младенца полыхала алыми сполохами ненависти и в добавок была окутана чёрным облаком такого глубокого отчаяния, какое можно увидеть только у обречённого на смерть преступника перед казнью. Внезапно веки малыша дрогнули, и на растерявшегося мага уставились бездонные омуты чёрных глаз, в которых не было ничего детского и невинного.

– Ну чего вылупился? – презрительно поинтересовался младенец хриплым басом. – Никогда мавров не видел?

– Кто ты такой? – Феликс наконец очухался и на всякий случай прикрылся энергетическим щитом.

– На данный момент – человеческий ребёнок, – губы младенчика скривились в глумливой усмешке, превращая его умильную рожицу в зловещую маску, – но на самом деле мне уже больше семисот лет. Да не бойся, я не кусаюсь. Хотя этой высокородной твари, которой плевать на жизнь ребёнка, я бы с удовольствием свернул шею.

– Но как ты сохранил самоидентификацию после смерти? – Феликс был настолько заинтригован феноменом «взрослого младенца», что даже забыл про меры безопасности. – Люди ведь полностью теряют свои личности при перевоплощении. Постой... – он едва ни задохнулся от пришедшей ему на ум догадки. – Ты не человек, верно?

– Зришь в корень, маг, – одобрительно кивнул младенец. – Судя по тому, как быстро ты догадался, сам ты тоже не человек. Из какой ты реальности?

– Зачем тебе это знать? – уже было совсем растаявшая подозрительность Феликса, вспыхнула с новой силой.

– Просто хотел убедиться, что ты не из Аэрии, – спокойно пояснил младенец. – Аэр не стал бы скрывать своего происхождения от другого игрока.

– Завидное знание аэрской культуры, – Феликс снисходительно усмехнулся. – Значит, ты аэр, не так ли. Про ваши извращённые игры ходит много слухов, однако ты переплюнул всех. Хотел получить опыт жизни в младенческом теле? Ну и как? Нравится?

– Очень смешно, – ребёнок скорчил обиженную гримасу. – Ты правда думаешь, что аэры настолько отмороженные? Разумеется, я попал в эту ситуацию не по своей воле. Меня сослали в Игру навечно. Про войну Ставрата слышал?

– Смутно, – небрежно бросил Феликс. – Вроде бы была в Аэрии какая-то война, но она закончилась уже сотни лет назад. Выходит, ты оказался на стороне проигравших. Но как же ты умудрился сохранить память? Насколько мне известно, локальное инфополе стирает личность всего за несколько перевоплощений на Земле даже у аэров.

– Но не у сталкера, – младенец горько усмехнулся. – Кто бы мог представить, что дар станет для меня проклятием. Если бы у Ставрата была хоть капля сострадания, он бы стёр мою память перед тем, как ссылат в Игру.

– Не понимаю, в чём проблема, – в голосе Феликса и впрямь прозвучало недоумение. – Если ты не теряешь самоидентификации при перевоплощении, то зачем же влезать в тело младенца? Создал бы себе взрослое тело, и всё. В Аэрии вы ведь так и делаете.

– В Аэрии нам не приходится проходить через полный распад тонкого тела, – презрительно фыркнул сталкер. – Мы просто создаём себе новую физическую оболочку и возвращаемся в мир живых. Вот только в инфополе Игры аэрское тело существовать не может, а человеческие тела аэры создавать не умеют. Если бы это было не так, то мы могли бы путешествовать в Игру вообще без симулятора. Даже нашим учёным потребовались сотни лет, чтобы создать более или менее достоверную копию аватарского тела. Куда уж мне.

– Ты хочешь сказать, что на Земле твои навыки управления перевоплощением бесполезны? – Феликс озадаченно нахмурился. – И что же происходит, когда твоя плотная оболочка погибает? Неужели ты просто тупо позволяешь своему тонкому телу распасться?

– Думаешь, у меня есть выбор? – в голосе ребёнка прозвучала обида, смешанная с обречённостью. – Да, мне регулярно приходится наблюдать гибель моего тонкого тела. Но знаешь, что я тебе скажу: по сравнению с осознанным рождением комочком беспомощной плоти – это сущие пустяки. Рождение – вот где настоящий экстрим.

– Неужели в Аэрии тебя ждёт такое страшное наказание, что ты предпочитаешь крутиться в колесе человеческих перерождений? – удивился Феликс.

– Ничего меня там не ждёт, – личико младенчика исказилось в презрительной гримасе. – Предусмотрительные соотечественники лишили меня даже гипотетической возможности вернуться. Цифровой копии моего аэрского тела больше не существует.

– Я не особо разбираюсь в работе симулятора, – Феликс придвинул табурет и уселся рядом с колыбелькой. – Но что тебе мешает вернуться в Аэрию и создать себе новое тело?

– Ты действительно ни черта не разбираешься в симуляторах, – презрительно фыркнул аэрский сталкер. – Связь игрока с симулятором осуществляется именно через те элементы его личности, которые имеются как в его игровой оболочке, так и в цифровой копии его тела. Да, сталкер в состоянии сохранять свою личность при перевоплощении, но если её цифровая копия в симулятор не загружена, то и возвращаться некуда.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что если кто-то уничтожит цифровую копию моего родного тела, то я уйду на перевоплощение в реальности Земли? – от одной мысли о подобном казусе

Феликса пробил озноб. – Но почему? Внутри искусственной плотной оболочки я ведь остаюсь артанцем.

– Серьёзно? – насмешливо ухмыльнулся младенец. – Вот уж воистину, только безграмотный артанец мог сморозить подобную чушь. И как же тогда ты можешь ощущать то же, что чувствуют аватары, да и вообще воспроизводить игровую реальность? Она же состоит не только из грубых материальных объектов, к твоему сведению. Нет, дружок, твоё тонкое тело тоже вполне себе человеческое, и его единственное отличие от настоящего аватарского состоит в том, что оно сохраняет память игрока и его самоидентификацию. Именно поэтому, возвращаясь, мы помним, что с нами случилось в Игре.

– Да быть того не может, – Феликс с отчаянием утопающего ухватился за свои устоявшиеся представления о путешествиях в альтернативную реальность. – Если бы моё тонкое тело было человеческим, то я вообще не смог бы вернуться в Артану. Тело ведь связано с инфополем той реальности, в которой ты находишься, в том числе и его тонкая составляющая, а она, между прочим, остаётся жить после смерти плотного тела. Инфополе Земли просто отправило бы меня на перевоплощение, но я почему-то всё-таки возвращаюсь в симулятор.

– А ты не так глуп, – снисходительно хмыкнул аэрский сталкер, – но о работе симулятора у тебя какие-то пещерные представления. Знаешь, что делает симулятор, когда получает сигнал о гибели плотной оболочки? Он аннигилирует тонкое тело игрока, чтобы помешать инфополю Игры сделать свою работу. Только после этого симулятор восстанавливает родное тело игрока по цифровой копии, что и возвращает его обратно в родную реальность. Угадай, что случится, если эта копия тупо отсутствует.

– Симулятор никак не узнает о гибели плотной оболочки, – Феликс завороченно покачал головой, – и тонкое тело останется жить.

– Точно, – в голосе младенца послышалась обречённость. – Ну а поскольку сие тонкое тело вполне себе человеческое, то игровое инфополе будет взаимодействовать с ним в штатном режиме, то есть отправит на перевоплощение.

– Я и не знал, что всё так наворочено, – Феликс восхищённо цокнул языком. – Столько раз пользовался симулятором, но даже не представлял, насколько это сложная машина. Да, теперь мне понятно, почему ты вынужден крутиться в колесе перерождений Земного инфополя. Сочувствую, правда, – артанец хотел ободряюще погладить ребёнка по головке, но в данных обстоятельствах счёл подобное панибратство неуместным. – Я бы хотел помочь, но не знаю как.

– Сможешь переправить меня в свой мир? – живо поинтересовался сталкер.

– Я, конечно, умею трансгрессировать, – Феликс задумчиво покачал головой, – но только в пределах одной реальности. Путешествовать на Землю я могу только с помощью симулятора, ведь я тоже не умею создавать человеческое тело.

– Ладно, проехали, – губы младенца скривились в презрительной гримасе. – Значит, из Игры мне не вырваться. Ну хотя бы подыскать для меня какую-нибудь цивилизованную локацию ты сможешь?

– Конечно, – поспешил заверить ссыльного сталкера Феликс. – На Земле полно приятных местечек, где имеется электричество, канализация и прочие коммунальные удобства.

– Да плевать мне на эти цивилизационные примочки, – аэр буквально взорвался, – главное, чтобы в той локации не относились к детям как к ненужному мусору. Не хочу, чтобы меня снова убили прямо в младенчестве.

– Ты боишься смерти? – удивился Феликс. – А говорят, что аэры относятся к смерти как к переодеванию. Значит, врут.

– Поздравляю, ты собственными глазами увидел единственного в своём роде аэра, который боится умирать, – сталкер зло скрипнул зубами. – Но знаешь что, артанец: если бы тебе

хоть раз пришлось пройти через этот кошмар осознанного рождения в младенческом теле, ты бы воздержался от своего высокомерного стёба.

– Прости, – искренне повинулся Феликс, – я сделаю всё, что в моих силах, чтобы сберечь твою жизнь. Как только передам твоего биологического папашу на расправу принцу, сразу вернусь за тобой.

Глава 4

Кавалькада, состоявшая из трёх дюжин разодетых в парадные одежды всадников, свернула с тракта и устремилась к высившимся над пологими холмами шпилям монастыря святого Олафа, где располагалась резиденция епископа Лунда преподобного Нильса. Обитые медью дубовые ворота святой обители гостеприимно распахнулись, и копыта лошадей бодро зацокали по плитам внутреннего двора. На улице моросил противный мелкий дождик, но епископ не поленился выползти из своих покоев, чтобы поприветствовать нового короля с его многочисленной свитой. Всё-таки это был первый после коронации визит главы светской власти к главе власти духовной.

На самом деле Нильс ожидал строптивого монарха уже довольно долго и с нетерпением, но наглый выскочка отчего-то не спешил почтить своим вниманием резиденцию епископа. Такой необъяснимый игнор святой матери церкви со стороны самозванца Нильса не столько раздражал, сколько озадачивал. Ведь даже последнему бонду было известно, что без поддержки церкви королевская власть – это просто беспомощный исполин на глиняных ногах. Ткни его, и грохнется оземь, рассыпавшись в пыль. Впрочем, Нильс ни секунды не сомневался в том, что рано или поздно даже до этого тугодума должно было прийти, в чьих руках находится истинная власть. Вот тогда-то спесивый король приползёт на карачках и будет смиренно просить прощения и, конечно же, помощи.

Не то чтобы преподобному Нильсу так уж не терпелось обуздать гордыню королевской особы. Он был человеком прагматичным и не падким на драматичные сцены. Причиной его нетерпения была вполне себе рациональная необходимость выбрать сторону в той подковерной борьбе, которая развернулась буквально с момента оглашения воли усопшего Хальвдана. На самом деле выбор сей был довольно очевидным, поскольку ставка его величества Свена Отважного выглядела откровенно слабой и проигрышной по сравнению со ставкой могущественного ведельского клана, главой которого являлся брат прежнего правителя Лунда герцог Рандруп.

Епископу было хорошо известно как плачевное состояние королевской казны, так и неописуемые богатства Веделей, тем не менее он не спешил присоединиться к одной из враждующих партий и опять же из соображений собственной выгоды. Как известно, безвыходная ситуация является очень неплохим стимулом для проявления поистине королевской щедрости, в то время как осознание собственного могущества отнюдь не располагает ценить союзников. Так что сначала следовало узнать, что конкретно король готов предложить за поддержку церкви, а потом уж решать.

Терпения опытному интригану было не занимать, тем не менее к исходу второго месяца ожидания визита королевской особы он уже готов был всё бросить и открыто выступить на стороне Веделей. К счастью, у Нильса хватило ума не поддаваться эмоциям, и вот момент триумфа наконец-то настал. Уже по тому, как король бодрой походкой двинулся к ожидавшему его прелату, можно было сделать вывод о том, что его припёрло не по-детски. Свен явно спешил, и это было очень хорошим знаком для формирования правильной переговорной позиции в предстоящем торге.

Король в сопровождении четырёх приближённых подошёл к встречавшей его церковной делегации, и все пятеро вежливо поклонились. Самодовольная улыбка сразу стекла с физиономии епископа. Нет, не так должен был вести себя униженный проситель. Представитель светской власти, признающий главенство власти духовной, должен был как минимум преклонить колени, а то и вообще пасть ниц перед главой святой матери церкви.

– Мы не ожидали Ваше величество в нашей святой обители в столь неурочный час, – процедил сквозь зубы Нильс, бездарно изображая радушие. – Месса уже закончилась. Что привело короля в монастырь святого Олафа?

– У меня появились кое-какие вопросы, касающиеся веры, – на лице Свена не дрогнул ни один мускул, он был сама серьёзность и почтительность. – Думаю, главе церкви не составит труда развеять мои сомнения.

– Ты усомнился в боге, сын мой? – брови прелата грозно сошлись над переносицей.

– Нет, конечно, – поспешил заверить священника король, – я искренне верю в Создателя. Меня терзают сомнения лишь касательно роли церкви.

На лицо Нильса снова вернулась фальшивая отеческая улыбка. Похоже, выскочке уже было не до соблюдения правил куртуазности, коли он с ходу в карьер перешёл к делу, вместо того, чтобы сначала хотя бы прошупать почву. Если поначалу епископ и сомневался в исходе переговоров, то теперь окончательно уверился в том, что такого бесхитростного простофилю будет очень легко склонить к нужному решению. Величественным жестом Нильс пригласил короля с его свитой в свою приёмную, где уже был накрыт стол с изысканными напитками и лёгкой закуской. Он специально приказал выставить все имевшиеся в монастыре диковинные яства, чтобы подчеркнуть своё богатство перед почти нищим королём.

– Попробуйте это вино, ваше величество, – гостеприимный хозяин указал на серебряный кувшин украшенный филигранной чеканкой. – Его доставили морем из Романии. Мне устав не позволяет употреблять горячительные напитки, но Вам нет нужды отказывать себе в удовольствии.

– Меня устав не ограничивает, это правда, – расслабленно улыбнулся король, – но я тоже, пожалуй, воздержусь. Разговор у нас будет серьёзный, и мне хотелось бы сохранить остроту восприятия, чтобы по достоинству оценить всем известную мудрость преподобного Нильса. Так скажи мне, епископ, на чём зиждется твоя вера? Ты ведь, я думаю, никогда не встречался с богом лично, не так ли.

Содержание вопроса, да и форма подачи довольно сильно смахивали на откровенное богохульство, однако лицо короля отражало лишь его неподдельный интерес и почтительность, а потому епископ решил не обращать внимания на вызывающие слова. Что взять с невежественного самозванца?

– Благодать божья присутствует во всём, что нас окружает, – принялся проповедовать священник. – Это Его волей светила движутся по небосводу, поля дают нам хлеб насущный а леса – дичь. Каких доказательств тебе ещё нужно?

– Вот видишь, Эйнар, – король повернулся к одному из сопровождавших его спутников, – а ты говоришь, что всё дело в золоте.

– Я не понимаю, о каком золоте идёт речь, – наверное, именно в этот момент епископ почуял подвох, но легкомысленно отбросил свои подозрения. Для привычного к схоластическим диспутам прелата высказывания короля звучали настолько наивно, а поведение его было столь бесхитростным, что разглядеть за всем этим коварную интригу смог бы только параноик.

– Ну как же, – поддержал своего сюзерена граф Эйнар, командовавший королевской гвардией, – разве не богатство церкви привлекает к ней верующих?

– Поверь мне, воин, – Нильс снисходительно усмехнулся, – истинная вера не нуждается в богатстве. Люди идут в церковь не для того, чтобы насладиться красотой убранства, а чтобы внимать слову божью.

– Тогда зачем же вы украшаете храмы? – в голосе короля прозвучало такое искреннее недоумение, что даже Фома неверующий не смог бы заподозрить его в лукавстве. – Разве слово божие, произнесённое под открытым небом, несёт верующим не ту же господню благодать, что и церковная проповедь?

– Ты прав, сын мой, – дискуссия явно отклонилась от намеченного епископом плана, тем не менее она откровенно крутилась вокруг темы богатства церкви, что как раз и являлось сферой интересов преподобного Нильса. Поэтому он решил поддержать разговор в прежнем русле. – Наши прекрасные храмы – это всего лишь выражение нашего чувства благодарности Творцу. Возводя эти величественные здания, мы прославляем Его величие и могущество.

– Как это? – на лице короля появилось выражение откровенного непонимания. – Зачем Создателю, сотворившему весь наш мир, нужны эти набитые добром сооружения? Он же бог. Ему не требуется есть, пить и укрываться от непогоды под крышей церкви. Выходит, вы предлагаете Создателю то, что ему не нужно.

– Никому не ведом замысел божий, – одёрнул раздухарившегося монарха священник. – Мы можем лишь стараться узреть Его славу в меру своего невежества и выразить свою любовь к Всевышнему в богатом убранстве Его храмов.

– Я так и знал, что храмы строятся не для бога, а для людей, – король задумчиво покачал головой. – Видимо, предполагается, что в богатстве церкви верующие должны узреть величие Создателя. Но тогда я вообще ничего не понимаю, – посетовал он. – Ты же вроде бы только что сказал, что люди идут в церковь исключительно за словом божьим. Разве нет?

– Вы абсолютно правы, ваше величество, богатство – это тлен в сравнении с истиной, которая нисходит к верующим через служителей дома господня, – прелат уже был окончательно сбит с толку, но никак не мог сознаться в том, что беседа о боге была ему откровенно неинтересна. В конце концов, на приёме присутствовали и другие высокопоставленные служители церкви, перед которыми он никак не мог ударить в грязь лицом.

– Что же это получается? – король озадаченно нахмурился. – Люди жаждут узреть истину, а вы, подобно ярмарочным зазывалам, отвлекаете их внимание золотыми безделушками? Сдается мне, что богатство церкви нужно не богу и не прихожанам, а самим церковникам.

– Это ложь! – один из присутствовавших на приёме священников не выдержал наглых обвинений невежественного самозванца и вступился за честь и достоинство церковной братии. – Нас не прельщают мирские соблазны, мы алчем истины. Разве может сравниться вечная благодать царствия небесного с презренным золотом?

– Никто из нас не держится за временные блага, которые предоставляет нам жизнь в стенах монастыря, – поддержал возмущённого собрата его сосед. – Если господу будет угодно испытать нашу веру, мы примем любые испытания со смирением и радостью.

– Вот идиоты. Очевидно же, что это ловушка, – Нильс мысленно выругался, причём не стесняясь в выражениях. Ему вдруг померещился смачный лязг захлопнувшихся хищных челюстей капкана, и прелат невольно поёжился как от озноба.

– Это правда? – обратился король к епископу. Его голос прозвучал одновременно удивлённо и одобрительно, как бы даже ободряюще. Ну ещё бы, ведь именно к подобному признанию он и подводил тупое монашье стадо. Но что тут мог возразить старший пастырь этих безмозглых овец?

– Чистая правда, ваше величество, – пробурчал себе под нос святой отец. – Во славу нашего господя мы готовы не только претерпеть любые лишения, но и пойти на смерть.

– Вы не поверите, как я рад это слышать, – король расслабленно откинулся на спинку кресла, и на его губах заиграла эдакая глумливая улыбочка. Похоже, игра была окончена, и теперь проигравшей стороне предстояло узнать, в чём же она заключалась. – Нет, правда, это просто замечательно, что наши намерения совпадают, – между тем продолжил глумиться самозванец. – Ведь если бы это было не так, то вы могли бы превратно истолковать мои действия как нападение на служителей церкви, в то время как они имеют целью всего лишь предоставить вам столь желанный шанс испытать свою веру.

Теперь даже до самого тупого монаха дошло, что их поймали в логическую ловушку. Святые отцы сразу занервничали, принялись переглядываться, но было уже поздно.

– Полагаю, его величество объяснит смиренным слугам господним, о каких действиях он говорит, – проскрипел епископ, мысленно посылая проклятия излишне обидчивым подчинённым.

– Думаю, вы будете рады узнать, что вам больше не придётся заботиться о хлебе насущном, – король всё-таки не удержался от злорадного смешка. – Корона возьмёт на себя заботу о господних слугах, так что теперь вы сможете полностью посвятить себя служению богу.

– Что это значит? – взвился епископ. – Король собирается ограбить церковь господа?

– Фи, что за вульгарные выражения, – губы Свена скривились в брезгливой гримасе. – О каком грабеже может идти речь, когда слуги господни жаждут только того, чтобы отринуть мирские ценности и испытать свою веру? Разве не это вы только что утверждали? Или готовность претерпеть лишения и даже смерть во имя господа – это лишь для красного словца, а на самом деле вы просто наживаетесь на искренней вере людей?

– Что ты задумал? – прелат сбросил маску смирения и навис над самозванцем. – Собираешься выгнать нас из нашего монастыря?

– Ни в коем случае, – поспешил заверить своего оппонента король. – Напротив, мои люди проследят, чтобы каждому монаху была выделена отдельная келья, в которой он сможет в одиночестве предаваться молитвам и бдениям. Корона берёт на себя обязательство бесперебойно снабжать монастырь едой и прочей необходимой утварью. А вы продолжайте молиться, не отвлекаясь на презренный быт.

– И откуда же ты будешь брать средства для своей благотворительной миссии? – на лице прелата появилась ехидная усмешка. – Насколько я знаю, королевская казна и так почти пуста.

– Была пуста, – покладисто согласился король, – но теперь всё изменилось. Я даже не сомневаюсь в том, что в церковных закромах найдётся достаточно золота, чтобы оплатить содержание нескольких сотен скромных слуг божьих. Ну а урожая с монастырских земель хватит не только для монахов и трудящихся на полях бондов, но ещё останется, чтобы содержать общественные институты, например, больницу и школу. Церковь ведь не против пожертвовать парочку храмовых зданий в Лунде для столь благой цели?

– Этому не бывать! – епископ вскочил на ноги и с самым воинственным видом двинулся к королю.

Королевская свита уже было схватилась за оружие, но защищать монарха не потребовалось. Преподобный Нильс вдруг закачался и грохнулся на пол без чувств. Монахи сорвались с мест и поспешили на помощь своему боссу. И опять напрасно. Они ещё не успели добежать до распростёртого на полу тела, когда глаза епископа распахнулись, и на взволнованных слуг господних словно пролился божественный свет. Лицо прелата сделалось столь одухотворённым и восторженным, словно он только что вернулся с аудиенции у самого Создателя.

– Братья! – торжественно возвестил Нильс. – Мне было видение. Ангел господень спустился с небес, чтобы передать мне благую весть. Любовь Всевышнего к его недостойным слугам безгранична. Даже когда мы ошибаемся, принимая его посланника за грабителя, он изливает на нас своё сострадание, а не гнев. Однако впредь мы должны быть бдительны и правильно истолковывать божественную волю, – он подошёл к развалившемуся в кресле королю и встал перед ним на колени, ткнувшись лбом в его сапоги.

– Не переигрывай, Шахин, – еле слышно посоветовал король на ухо прелату. Он склонился к коленопреклонённому хозяину монастыря и помог ему подняться.

– Соберите всех наших братьев в кафедральном зале, – деловито распорядился епископ, – я должен передать им волю господа.

– Они тебя уже ждут, – самодовольно усмехнулся Эйнар. – Мои люди позаботились о том, чтобы тебе не пришлось терять время на сборы.

Через четверть часа королевская кавалькада покинула резиденцию епископа и двинулась в сторону Лунда, оставив в монастыре небольшой гарнизон для поддержания порядка и охраны

запертых по кельям монахов. Никаких особых ценностей в обители святого Олафа не было, церковная казна и библиотека хранились в подземельях храма Всех Святых, расположенного в центре столицы. Именно там сейчас находились основные силы королевской гвардии в купе с командой казначейства, направленной в кладовые храма специально для того, чтобы оприходовать новые поступления в казну Скании.

Как выяснилось, Вит откровенно недооценил объём церковных запасов золота и прочих ценностей. Улов превзошёл его ожидания раз примерно в пять, и ограбление затянулось до позднего вечера. Тем не менее ближе к ночи экспроприированные богатства были перевезены в королевский замок под надёжную охрану крепостных стен и вооружённых до зубов гвардейцев. Перед тем, как отойти ко сну, вся команда аэрского оперативника собралась в королевских покоях, чтобы обсудить проведённую операцию. Состав участников был прежний, даже Шахин на время оставил тушку епископа, предварительно накачав своего носителя снотворным, и явился на совещание.

– Ну что скажете, заговорщики? – шутливо обратился к своей команде Вит.

– Если честно, скорость, с которой ты провёл операцию, впечатляет, – Вран одобрительно усмехнулся. – Никто не успел даже понять, что происходит, не говоря уж о том, чтобы среагировать. Ну а Шахин вообще сыграл епископа прям моё почтение. Мне впервые довелось наблюдать альва за работой, и должен сказать, что раньше я явно недооценивал сценические таланты этих парней.

– И это всё? – ехидно поинтересовался Вит. – А где же обвинения в безрассудстве? Где нотации по поводу очередного наезда на церковников? Почему я больше не слышу апокалиптических прогнозов касательно моей печальной участи?

– Тебя учить – только портить, – Вран небрежно отмахнулся от явно напрашивавшегося на комплимент приятеля. – Но одного я всё же не понимаю: откуда такая маниакальная неприязнь к церкви? За что ты гносишь этих бедолаг в каждой своей миссии? Разве плохо, что люди верят в бога?

– Не путай веру с религией, – назидательно произнёс великий стратег. – Вера в высшие силы – это естественная реакция здравомыслящего человека на те математически точные закономерности, которые он постоянно наблюдает вокруг. Я тоже верю в то, что наш мир был сотворён каким-то высшим существом. В самой вере нет ничего зазорного, но религия – это совсем другое, это бизнес, построенный на вере людей в бога. Церковники просто используют эту веру как инструмент управления паствой и средство обогащения. На мой взгляд, это гнусно.

– Можно подумать, что церковники единственные, кто душит народ в Игре, – язвительно заметил Вран. – Или до прочей знати у тебя ещё просто руки не дотянулись?

– Напрасно иронизируешь, – Вит осуждающе покачал головой. – Дело ведь не только в их подленьких методах, но и в том, какие идеи они насаждают. Думаешь, тот, кто добровольно согласился считать себя рабом, пусть даже рабом божьим, будет ценить свободу как высшую ценность?

– Так вот в чём дело, – рассмеялся Вран. – Ты преследуешь церковников просто потому, что их идеологические установки несовместимы с твоими.

– Вит всё правильно делает, – Найоли не смогла смолчать и выступила в защиту своего мужчины. – Нельзя быть свободным рабом.

– Ладно, снимаю свои претензии, – сразу пошёл на попятную Вран.

Он вообще старался не спорить с этой загадочной сущностью, которая когда-то была просто аватаром, но в результате одного магического эксперимента обрела необъяснимые и немного пугающие способности, например, существовать без физического тела практически вечно, вселяться в чужие тела, перемещаться между реальностями без симулятора, создавать магическую защиту. Какие ещё сюрпризы таились в этом могущественном существе, не знал никто, даже сама Найоли. Вита произошедшая с его любимой женщиной метаморфоза отчего-

то совершенно не напрягала, он по-прежнему видел в ней свою обожаемую малышку, а вот Врану в её присутствии делалось очень неудобно.

– Идеология – это, конечно, важно, – задумчиво пробормотал Шахин, – но в данных обстоятельствах разве не разумней было иметь церковь в союзниках? Мы могли бы использовать это оружие против Веделей, а теперь его используют они. Или операция была затеяна лишь с целью пополнить королевскую казну?

– Думаешь, у меня имелся хоть один шанс забрать это оружие себе? – Вит снисходительно усмехнулся. – В казне тупо не было столько золота, чтобы оплатить поддержку Нильса. Эта алчная тварь всё равно переметнулась бы к тому, кто больше даст. А у Веделей золота хоть попой ешь, так что мне в этой конкуренции было не победить. Вот и пришлось пойти другим путём: разрядить к чёртовой бабушке это церковное оружие, чтобы им никто не мог воспользоваться. Кстати, и с казной теперь никаких проблем.

– Но как же ты обойдёшься без телохранителя? – озадаченно покачал головой Вран. – Альвы ведь такой шанс не упустят.

– Не беспокойся, я его прикрою, – Найоли беспечно махнула рукой. – Это ведь ненадолго, только пока Шахин ни вычислит подходящего преемника на роль епископа. А потом он вернётся к своим обязанностям телохранителя.

– Вижу, у вас тут всё схвачено, – в голосе Врана против его воли прорезались ревнивые нотки. Он привык к роли командира и на вторых ролях чувствовал себя как бы ущемлённым, что ли.

– Ты же не собираешься свалить в Аэрию? – заволновался Вит, интуитивно уловив недовольство своего помощника. Хотя поначалу он отнёсся к новому стажёру без особого энтузиазма, но действительность не оправдала его пессимистичных прогнозов. Вран очень быстро стал совершенно незаменимым членом его команды. – Без тебя эта операция была бы вообще невозможна, – руководитель опергруппы подобострастно улыбнулся. – Если бы тебе не удалось так быстро и качественно построить королевскую гвардию, ни о каком захвате церковной собственности не могло бы даже речи идти.

– Но гвардия – это всего лишь небольшой отряд, – заметил польщённый похвалой Вран. – Против армии гвардейцам не выстоять, а армией командует старшенький из птенцов ведельского дома.

– Да, ответного удара долго ждать не придётся, – Вит самодовольно ухмыльнулся, – но у меня есть идея, как нейтрализовать армию.

– Хочешь, чтобы я сместил Кристена? – деловито предложил Вран.

– Думаю, этого не потребуется, – Вит задумчиво улыбнулся. – Лучший способ утихомирить вояк – это устроить им развлечение в виде небольшой победоносной войнушки где-нибудь подальше от столицы, лучше бы вообще на границах Скании.

– И с кем воевать собрался? – поинтересовался Вран.

– С викингами, разумеется, – в голосе спеца по военным стратегиям послышалось недовольство непонятливостью оппонента. – Шахин уже провёл агитационный рейд среди местных племён викингов и поведал этим простодушным парням, что для них настало самое подходящее время отправиться в набег на беззащитную Сканию, воспользовавшись сменой правителя. Так что завтра наши доблестные воины отправляются в поход, чтобы встретить врага прямо на берегу моря.

– Надеюсь, меня ты не собираешься отправить на морскую прогулку? – Вран недовольно поморщился, поскольку совершенно не хотел покидать объект своего наблюдения.

– Нет, для тебя у меня имеется другое задание, – Вит сделал вид, что не заметил недовольства своего приятеля. – Мне катастрофически не хватает компромата на членов ведельского клана. Вообще-то, я собирался использовать Шахина, но у него сейчас более приоритетное задание. Так что придётся тебе переквалифицироваться из гвардейского капитана в шпиона.

– Недолго же я пробыл в нейтральных наблюдателях, – рассмеялся куратор от круга Офира. – С тобой не забалуешь.

Глава 5

Феликс не стал пороть горячку с поиском мавра, совратившего благородную донну Бранку. Расправа над незадачливым насильником могла и подождать, а вот мастер Бабак терпением отнюдь не отличался. Кто знает, что придёт в голову полоумному гению, если клиент не проявит должного рвения с оплатой статуи? А вдруг решит продать её кому-то другому? Посему вместо того, чтобы заняться прямым исполнением своих обязанностей, Феликс отправился в Задракарту и вскоре объявился на пороге мастерской скульптора. Как ни странно, никакого радостного нетерпения в доме Бабака не обнаружилось. Напротив, мастер пребывал в полной прострации и почти не отреагировал на приход богатенького клиента.

– Что-то случилось, Бабак-ага? – Феликс сразу понял, что дело не в статуе, поскольку аура хозяина мастерской была окутана таким чёрным облаком, словно тот утратил смысл существования. Впрочем, долго гадать о причине столь глубокого горя не приходилось, поскольку вызвать его могло только одно: беда случилась с Нилуфар – единственной и горячо любимой дочерью мастера.

– Мою девочку забрали, – голос Бабака прозвучал безжизненно, как будто говорил не живой человек, а призрак, по какому-то недоразумению вылезший из могилы. – Я больше никогда не увижу мою нежную лилию.

Объяснять искушённому в дворцовых интригах магу, кто и куда забрал молоденькую девушку во владениях бесцеремонного Парважа-паши, не требовалось. Именно так обычно и пополнялся эмирский гарем. Когда эмир по тем или иным причинам решал избавиться от одной из своих наложниц, его слуги тут же организовывали смотрины для своего повелителя, чтобы тот мог выбрать ей замену. Для этого они устраивали рейды по домам жителей Задракарты и насильно забирали привлекательных девушек. Ни одна из бедняжек так больше и не вернулась под родной кров. Те, которых эмир браковал в качестве наложниц, всё равно оставались служить во дворце, только уже в статусе рангом поуже. В любом случае участь похищенных девушек была незавидной.

Феликсу, конечно, было жалко миленькую жизнерадостную дочку мастера Бабака, но что он мог поделать? Таковы уж были обычаи в этой варварской локации. В конце концов, скульптор вовсе не был ему другом или даже приятелем, их связывали исключительно деловые отношения. Поэтому, выразив подобающие ситуации соболезнования, заказчик мягко наметнул на цель своего визита.

– Прости меня, мой господин, я не могу закончить твою статую, – повинился мастер Бабак. – Блистательный Митра лишил недостойного слугу своего благословения. Я верну задаток, не беспокойся, – заверил он ошарашенного мага.

Вот такого поворота Феликс точно не ожидал. Он уже видел себя обладателем вожаемой статуи, а тут нежданно-негаданно вдохновение, видите ли, покинуло мастера. Впрочем, замешательство обломанного заказчика продлилось недолго. Даром, что ли, ученик Ефрема сотню лет улаживал самые щекотливые ситуации у клиентов своего работодателя. Кое-чему успел научиться. Махинатор сразу сообразил, что деньгами или угрозами проблему не решить, нужно было действовать хитростью. А уж этой субстанции в организме Феликса всегда имелось с избытком.

– Я полагал, что эмир берёт в свой гарем только девственниц, – артанец изобразил на своей физиономии столь искреннее удивление, что заподозрить его в лицедействе мог разве что театральный критик или параноик.

– Что ты хочешь этим сказать? – тут же вскинулся оскорблённый отец. – Нилуфар – чистая девочка.

– Ты хочешь вернуть дочь? – на лице мага появилась скептическая усмешка. – Или тебе её девичья честь важнее?

– Но слуги эмира не поверят пустым словам, – несмотря на формальное отрицание, в голосе несчастного отца явственно прозвучала надежда.

– Даже если в качестве доказательства ты приведёшь её мужа и ребёнка? – ехидно поинтересовался Феликс.

– Где же я их возьму? – Бабак уже был окончательно сбит с толку. – Никто не согласится обманывать эмира.

– Положись на меня, – самоуверенно заявил маг. – Я спасу твою дочь. Надеюсь, когда малышка Нилуфар снова будет порхать под твоим кровом, блистательный Митра вернёт своё благословение мастеру Бабаку.

Нужно признать, что Феликс почти не блефовал. Потенциальный кандидат на роль фиктивного мужа кандидатки в наложницы эмира у него действительно имелся, причём с готовым ребёнком. В том, что мавританский совратитель чужих жён согласится помочь, махинатор практически не сомневался. Участие в чужом спектакле было всяко предпочтительней перспективы закончить свои дни на плахе. Дело оставалось за малым: убедить всесильного вельможного рогоносца отказаться от личной мести тому, кто наградил его сим неаппетитным головным украшением. Увы, эта задачка в лоб уже не решалась, ведь даже если опустить личные мотивы дона Фернанду, то по закону Бейры насильника полагалось предать позорной казни.

По идее, у принца не имелось ни единой причины щадит мавра, кроме одной. Кое-чего он всё же боялся, а именно огласки. Значит, Бейранец вовсе не собирался привлекать служителей Фемиды к наказанию преступника, он планировал разобраться с мавританским совратителем в частном порядке. Именно в этом аспекте Феликс как раз и узрел возможность заморочить незадачливого мстителя и уговорить его отдать не только ребёнка, но и его отца с обещанием примерно наказать последнего.

Разумеется, маг по вызову ни за что не пошёл бы на откровенный шантаж клиента, за это можно было огрести от Ефрема совсем не по-детски. Однако высказать туманные опасения никто ведь не мешал, а правитель Бейры был очень проницательным человеком и намёки ловил на лету. Оценив свои шансы как вполне удовлетворительные, Феликс тут же принялся за реализацию плана, первым пунктом которого стал поиск мавританского совратителя и проведение с ним разъяснительной беседы. Вернувшись в Коимбру, он снова посетил спальню ребёнка и отследил астральную связь между ним и его родителем.

Феликс практически не сомневался в том, что мужик, изнасиловавший донну Бранку, давно уже сбежал из столицы и заховался в каком-нибудь горном захолустье. Ведь именно так должен был бы повести себя здравомыслящий преступник. Каково же было удивление артанца, когда он обнаружил искомого персонажа не просто в столице, а непосредственно во дворце дона Фернанду, конкретней – в домовых часовне, где находилась усыпальница его почившей супруги. Столь абсурдное поведение мавра могло говорить о чём угодно, например, о его тупости, но только не о том, что тот считал нужным скрываться. Возможно, мужик просто не чувствовал за собой никакой вины?

Сколь бы нелогичным ни выглядело сие предположение, однако сцена, которую застал Феликс, зайдя в часовню, его подтвердила. Статный широкоплечий мужчина стоял на коленях около гроба, склонив голову на жёсткий мрамор и уцепившись скрюченными пальцами в позолоченный бордюр. Вся его поза выражала отчаяние, но отнюдь не раскаяние. При появлении Феликса, мавр выпрямился, и его взгляд, устремлённый на чужака, нарушившего его сеанс скорби, сразу полыхнул ненавистью. Нет, совсем не так должен был вести себя насильник, обрюхативший благородную даму. Непохоже было, чтобы этот мужик боялся возмездия за

своё преступление, скорее уж, он сам явился карать тех, кто был виновен в смерти его любовницы. Нестандартный расклад.

– Извини, что прервал твоё покаяние, – Феликс изобразил на своей хитрой физиономии сочувственную мину, – но ты же понимаешь, что заявиться во дворец принца, чью жену ты совратил – это не самое разумное решение.

– Покаяние?! – мавр вскочил на ноги и двинулся на чужака с явным намерением стереть его в порошок. – Мне не в чем каяться, это он отнял мою Бранку и поплатится за её смерть. Убивать женщину только за то, что она предпочла тебе другого – это низко даже для подлого бейранца.

– Вообще-то, Бранку убил ребёнок, – поспешил внести ясность Феликс. – Женщина умерла родами, дон Фернанду тут ни при чём.

– Ребёнок? – мавр сразу поумерил свой гнев, и в его глазах застыло выражение недоумения. – А ведь она знала, что всё именно так и закончится, – он плюхнулся на каменные ступени и закрыл лицо руками. – Бранка не хотела рожать ему наследника, но этот варвар всё-таки её принудил.

– Это твой ребёнок, – нанёс добивающий удар Феликс. – Я его видел, мальчик очень похож на своего отца.

– У меня есть сын? – зрачки новоявленного папашки расширились, заполняя всю радужку. – Наш с Бранкой ребёнок? Так вот почему она не стала травить плод.

– Вот что, парень, – Феликс осторожно приблизился к ошарашенному неожиданной новостью родителю и сел на ступеньки рядом с ним, – давай-ка ты мне всё расскажешь, а потом мы решим, как быть дальше.

История любви, которую услышал маг по вызову, в сущности, была довольно банальной и типичной для этой локации, и всё же в ней имелась изюминка, выделявшая её из ряда других, таких же драматичных историй. Оказалось, что семейство Дамира, так звали героя-любownika, соседствовало с семейством Бранки. Жили они на побережье в Кадисе, где мавританское население было едва ли ни более многочисленным, чем условно белое. В отличие от горной Бейры, где мавры занимали самые нижние ступеньки иерархической лестницы, в Кадисе было довольно много темнокожих грандов, и семья Дамира как раз принадлежала к местной знати.

Дамир и Бранка сдружились в совсем нежном возрасте, и их родители не имели ничего против их брака. Дело даже дошло до официальной помолвки, но тут в жизнь влюблённых вмешалась судьба. Девушка случайно попала на глаза принцу Бейры, совершавшему турне по южным испанским провинциям, и дон Фернанду пал жертвой её неброской благородной красоты. Папочка Бранки не смог устоять перед соблазном сделаться тестем аж целого принца, и бедняжку насильно выдали замуж, разорвав помолвку с менее престижным женихом.

По идее, на этом история должна была и закончиться. Принц увёз молодую жену в свою резиденцию, а брошенный жених остался в Кадисе оплакивать несправедливость этого жестокого мира. Ага, как же. Дамир оказался не из той породы. Воинственный дух его предков, когда-то разрушивших Рим, не позволил ему просто сложить лапки и сдаться. Он последовал за своей возлюбленной, поступил на службу во дворец принца, и они с Бранкой сделали тайными любовниками. Неизвестно, чем бы в конце концов закончилась эта противозаконная связь, если бы женщина ни решила оставить ребёнка от своего любимого. Может быть, просто не смогла убить плод любви.

– Принц тебя ищет, чтобы казнить, – сокрушённо покачал головой Феликс. – Он послал меня за тобой.

– Идём, – Дамир решительно поднялся. – Я не собираюсь прятаться. Пусть этот варвар узнает всю правду.

– Давай-ка для начала я отведу тебя к сыну, – заискивающе предложил маг. – Грех лишать младенца обоих родителей.

Оставив Дамира сюсюкаться со своим сыночком в потайной детской комнате, Феликс отправился к Бейранцу. Он, конечно, ожидал, что переговоры с обманутым мужем будут тяжёлыми, но всё же не думал, что настолько. И дело было даже не в оскорблённом самолюбии, а в муках совести, которые дон Фернанду тщетно пытался заглушить формальными установками о благородной мести насильнику. Похоже, он действительно любил Бранку и чувствовал, что женщина была с ним несчастна. Не исключено, что он даже раскаивался в том, что взял её в жёны против воли, хотя для данной локации подобные истории были скорее нормой, нежели исключением.

К счастью, дон Фернанду вовсе не был тем варваром, коим считал его мавританский любовник его жены. Конечно, рогоносни очень хотелось отыграться на своём удачливом сопернике по полной. Скорей всего, он даже уже придумал для него какую-нибудь особо болезненную казнь. Вот только одного обстоятельства он всё-таки не учёл, даже двух. Во-первых, как выяснилось, насильником мавр вовсе не был, а был тем мужчиной, которого Бранка любила всю свою жизнь. По сути, это сам дон Фернанду совершил насилие, отняв у Дамира его любимую женщину, с которой тот был обручён, и которая мечтала стать женой своего любимого мавра.

Впрочем, вряд ли эти сентиментальные соображения тронули бы отравленную ядом ревности душу Бейранца, но было ещё и во-вторых. Мавр оказался благородного происхождения, поэтому обойтись с ним, как с отребьем, не представлялось возможным. В той локации рыцарство ещё не полностью сдало свои позиции прагматизму, и дон Фернанду тупо не мог переступить через собственные нравственные устои. Так что разделаться с Дамиром можно было только двумя способами: либо открытое судебное разбирательство, либо поединок. В обоих случаях принцу никак не удалось бы утаить измену донны Бранки.

Под действием неумолимых обстоятельств праведный гнев обманутого мужа слегка поутих, и на чело правителя Бейры подобно тёмной туче опустилась печать нерешительности. Феликс тут же почувствовал, что настал благоприятный момент для последнего убойного аргумента, и пошёл в атаку.

– Будет справедливо, если о ребёнке позаботится его родной отец, – он скорчил умильную гримасу, как бы намекая на то, что в этом деле имеется ещё один заинтересованный в мирном исходе персонаж. – Этот малыш ведь не виноват в грехах своей матери.

Надавить на чувства благородного гранда к невинному младенцу оказалось верной тактикой. Бейранец надолго замолчал, а когда он снова поднял взгляд на собеседника, в его глазах больше не было ненависти.

– А ведь я знал, что Бранка была помолвлена, – теперь в голосе дон Фернанду явственно прозвучало раскаяние, – но я отчего-то был уверен, что, сделавшись принцессой, она забудет своего жениха. А она не забыла и не отказалась от своей любви, и он от неё тоже не отказался. Наверное, я должен отдать должное его решительности, ведь будучи кадисским грандом этот парень не погнушался наняться обыкновенным стражником, чтобы проникнуть в мой дворец.

– Мы не властны над своими чувствами, – подлил масла в огонь раскаяния Феликс.

– Я бы, наверное, даже смог его простить, – дон Фернанду рассеянно улыбнулся, – но у меня нет такого права. Отпустив мавра вместе с ребёнком, я создам угрозу Бейре, ведь формально этот ребёнок является моим наследником. Кто знает, не взбрёт ли в голову жаждущему мести отцу использовать сына для захвата власти?

– Нет никакой угрозы, – поспешил заверить готового сдаться клиента Феликс. – Ты их никогда больше не увидишь, это я тебе гарантирую. Я ведь умею перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Они окажутся в очень далёком прошлом и никак не смогут навредить Бейре.

– Ты хитрый лис, – Бейранец саркастично ухмыльнулся. – Я даже не стану спрашивать, на что тебе сдался этот парень. В конце концов, моё задание ты выполнил и заслужил справедливую оплату.

На том они и порешили, правда, учитывая уступки, на которые пришлось пойти капризному клиенту, вознаграждение оказалось довольно скромным. Но Феликсу уже было не до жиру, поскольку вся его хитрая комбинация вообще еле-еле держалась на честном слове. И всё же план сработал. Уже через несколько минут после аудиенции у Бейранца махинатор доставил Дамира вместе с младенцем в дом мастера Бабака.

– Это ненадолго, – поспешил заверить своего подневольного актёра маг. – Мы только вызволим дочку этого почтенного господина из дворца эмира, и я верну тебя домой, – на голубом глазу соврал хитрый махинатор, только что пообещавший клиенту, что любовник его жены навсегда канет в прошлое. Но чего только не сделаешь для пользы дела.

Через несколько часов, когда малышка Нилуфар оказалась под родным кровом, мастер Бабак устроил знатное застолье. Теперь он больше ничем не напоминал бесплотное привидение и был полон решимости выполнить заказ своего благодетеля, причём бесплатно. Заказчик с исполнителем сговорились встретиться снова через десять дней, и маг отправился к себе домой с чувством выполненного долга. Прежде чем распрощаться с семейством мастера Бабака, Феликс улучил момент, чтобы переговорить с аэрсим сталкером.

– Какого чёрта ты засунул меня в эту помойку? – обиженно прорычал младенец. – Во дворце принца была хоть какая-то гигиена, а тут даже нормальной еды нет.

– Разве для аэра полное погружение в Игру – это не самый большой кайф в жизни? – Феликс ехидно подмигнул негритьёнку. – Да ладно, не обижайся, я очень скоро за тобой вернусь. За десять дней ничего фатального с тобой не случится, а я пока подыщу для тебя приличное местечко в какой-нибудь цивилизованной локации.

– Не обмани, – чёрные глазки подозрительно сверкнули. – Мне и без того несладко приходится, не усугубляй моё положение.

Нужно сказать, что Феликс и впрямь собирался честно выполнить обещание, данное аэру. Он подыскал приличный детский приют в небольшом городке, расположенном в очень живописном местечке, и даже договорился, что через несколько дней привезёт ребёнка, но всё пошло по непредвиденному сценарию. Когда он явился за своей статуей, то застал в доме мастера Барака полную семейную идиллию. Нилуфар так лихо вписалась в роль мамочки, что ни у кого даже мысли не возникало о том, что она притворяется. Впрочем, может быть, и не притворялась, а действительно почувствовала себя матерью.

Но главная метаморфоза произошла с Дамиром. Его угрюмая решимость поквитаться за гибель своей возлюбленной растаяла без следа. Мститель сделался мягким и покладистым, а когда его даже случайно касался лучистый взгляд фиктивной жены, парень буквально таял как воск. О расставании эта парочка даже думать не желала. Они были счастливы и за прошедшие десять дней успели поверить в то, что их свела вместе судьба. Разумеется, предложение отдать ребёнка, послужившего как бы талисманом соединения двух любящих душ, вызвало лишь возмущение и категоричный отказ. Оба родителя души в малыше не чаяли, а его фиктивный дедушка вообще был на седьмом небе от счастья.

Вот только эта его эйфория сказала на таланте скульптора довольно странным образом. Мастер Бабак словно утратил некую таинственную жилку, которая делала его работы уникальными. Статуя, которую он передал заказчику, увы, оказалась фальшивкой. Нет, все детали были выполнены тщательно и точно в соответствии с рисунками. Девушка с птицей была как живая, но та внутренняя борьба, которой был наполнен оригинал, куда-то исчезла. Теперь лицо девушки светилось искренней радостью, и только. Видимо, счастье, внезапно наполнившее дом мастера, тупо затмило какие-либо остальные нюансы бытия. Он радовался жизни сам и хотел нести эту свою радость людям.

Феликс не стал предъявлять претензии, поскольку это было бесполезно, он забрал статую и запихнул её в самый тёмный угол чулана в своей квартире, чтобы не отсвечивала. Наверное, перед тем, как навсегда расстаться с семейством мастера Бабака артанцу следовало объясниться с аэром, которого он так и не решился выкрасть у его приёмных родителей. Возможно, ему и удалось бы убедить бедолагу, что расти в любящей семье всяко предпочтительней, чем в приюте, даже если этот приют находится в цивилизованной локации, но из-за облома со статуей Феликс был не в том настроении, чтобы делать благородные жесты. Он тупо свалил в свою благоустроенную берлогу коротать время в ожидании следующего вызова и жаловаться на превратности судьбы. Вот там-то его и застучала сия капризная дама.

На этот раз судьба явилась в образе одинокой школьницы, прогуливавшей уроки в развалинах старинного замка. Девушка сидела на парапете полуразрушенной сторожевой башни, свесив ноги через бортик, и рассеянно смотрела на раскинувшуюся внизу панораму города. По идее, ничего общего с его таинственной статуей в этой девичьей фигурке не было. Сидячая поза, никаких птичек, вместо развевающегося платья, джинсы и толстовка, да и портретное сходство у живой и золотой девушек хотя и имелось в наличии, но было не то чтобы идеальным. Только возраст совпадал точно – где-то в районе шестнадцати по меркам Земли.

И всё же едва увидев Майю, а это была именно она, Феликс буквально застыл в гипнотическом трансе, потому что выражение лица прогульщицы было точь в точь таким, как у статуи Бейранца. Та же ядерная смесь страстного желания и осознания его тщетности, которая перевернула душу многоопытного мага, когда он впервые увидел статую, теперь заставила его надолго зависнуть около развалин. Что ж, он всё-таки получил то, чего так страстно желал, даже больше, ведь в отличие от безмолвной статуи, живая девушка умела говорить и при правильном подходе могла поведать коллекционеру тайн свою историю.

Глава 6

Противный навязчивый звон проник в сон Майи подобно сверлу бормашины в больной зуб. Соня, не открывая глаз, раздражённо хлопнула ладонью по дребезжащему на тумбочке будильнику, но промахнулась, и мерзкое сверло продолжило вгрызаться ей в мозг. Пришлось всё-таки вынырнуть из сновидения в реальность и уgomонить раздухарившийся будильник более прицельным ударом. Майя выбралась из кровати и поплелась в ванную умываться. К счастью, по дороге ей попалось незанавешенное окно, и от панорамы зависших над городом туч настроение девушки слегка улучшилось. Правда, дождя пока не было, но утро было хмурым как физиономия физрука, когда урок физкультуры оказывался в расписании первым.

На памяти Майи сей плюгавый мужичок с посиневшим от постоянных возлияний угреватым носом ещё ни разу не явился на первый урок без запаха перегара. Ближе к вечеру сей вонючий шлейф как-то выветривался, но тем ученикам, которым не повезло оказать по близости от физрука спозаранку, приходилось терпеть последствия его вчерашней невозддержанности в плане употребления горячительных напитков. Многие бедолаги просто тихо ворчали, а некоторые даже не стесняясь затыкали носы, но пьянице было плевать на неуважительное отношение болтавшей под ногами мелюзги. Ему, похоже, вообще было наплевать на всё, кроме выпивки.

Возможно, Майя была единственной в школе, кто не осуждал физрука за его безразличие к окружающим. В каком-то смысле она его даже понимала и жалела. А разве могло быть иначе, когда она и сама проявляла к своему окружению полный игнор. По настоящему она жила только во сне, когда зачарованный город снисходил до визита в девичьи сновидения, да ещё в те короткие сеансы мечтательного транса на вершине полуразрушенной замковой башни, когда туман или дождь создавали из её родного города некое подобие декорации её сказочного сна. Всё остальное время Майя просто терпела свою жизнь совсем как физрук – промежутки между выпивками.

Ненастная погода была своего рода лотереей, эдакой точкой бифуркации. С одной стороны, в отсутствии солнца туман над озером не образовывался, так как ему требовался перепад температур, но с другой – тучи ведь могли пролиться дождём, создавая нужный Майе антураж для её ностальгического транса. В случае наиболее негативного сценария этот маятник как бы зависал в состоянии неопределённости. Тучи так и оставались тучами, а раскатавшей губу мечтательнице оставалось только злиться или сетовать на собственное невезение. И всё же ненастная погода таила в себе потенциал, и потому Майя воспринимала её как некий пас судьбы.

Весь день она с надеждой поглядывала на хмурые небеса, но уроки в школе закончились, а погода так и не определилась со своими намерениями. В принципе, тащиться к развалинам крепости было глупо, но девушка отчего-то убедила себя в том, что дождь вот-вот начнётся, и всё-таки отправилась на свой наблюдательный пост. Поначалу тучи вроде бы действительно выглядели перспективно, но когда Майя наконец взобралась на обзорную площадку башни и уселась на парапет, небо на западе начало светлеть. В общем, дождя ждать не стоило, впрочем, как и закатного тумана.

Ничего необычного в данной ситуации не было. Погода в районе озера вообще была непредсказуемой и зависела от стольких случайных факторов, что местным синоптикам можно было только посочувствовать. Майя далеко не в первый раз обманулась в своих ожиданиях, но отчего-то именно сейчас порушенные планы вызвали в душе девушки такую жгучую обиду на весь белый свет, что из её глаз брызнули злые слёзы. Как будто зависшие над озером тучи были намеренной провокацией каких-то вредоносных сил, нацеленной на то, чтобы окончательно испортить и без того поганое настроение одной несчастной школьнице.

– Здесь всё чужое, – Майя окинула взглядом унылый облезлый город, раскинувшийся в озёрной чаше внизу, и тяжело вздохнула.

Любоваться и впрямь было особо нечем. Серое, затянутое тучами небо окрасило мир в такую же серую муть, словно специально гася яркие краски и обнажая только неприглядные детали: грязные разводы на старых крепостных камнях, безликие уродливые здания и такую же серую, как тучи, махину озёрной воды, колышущуюся под порывами ветра.

– Я словно живу не свою жизнь, – внезапно снизошедшее на девушку откровение обрушилось на её хрупкие плечи подобно мешку с песком. – Да какая там жизнь? – возмутилась она. – Это жалкое прозябание даже жизнью назвать нельзя, в нём нет никакого смысла. Сколько можно себя обманывать? – в голосе Майи зазвучала отчаянная решимость. – Зачарованный город – это просто фантазия, на самом деле он не существует. А даже если б и существовал, что толку? Мне туда не добраться.

Майя отвела взгляд от безрадостной панорамы города и посмотрела вниз на подножие башни. Там хищно торчали ошетилившиеся острыми зазубренными краями каменные обломки стены, но их вид отчего-то совсем не пугал, а напротив, манил предвкушением избавления от страданий. Мысль о самоубийстве, которая давно уже маячила где-то на задворках подсознания девушки, вдруг оформилась в чёткое намерение. То ли обида на капризную погоду сыграла роль триггера, то ли просто ностальгия замучила, но даже страх боли отступил перед страстным желанием покончить с бессмысленным существованием.

Майя подтянула ноги, встала на парапет и, крепко зажмурившись, решительно занесла ступню над пустотой. И всё же в последний момент она не удержалась и глянула вниз. Прямо у подножия крепости, аккуратно в том месте, где должно было приземлиться её тело, стоял какой-то мужик и внимательно наблюдал за действиями самоубийцы. Мужик был явно не молод, лет сорока, не меньше, но выглядел довольно крепким, по крайней мере, достаточно крепким, чтобы поймать летящее с высоты лёгкое девичье тело.

– Отойди, дядя, – раздражённо пробурчала Майя. – Если я на тебя свалюсь с такой высоты, от тебя только мокрое место останется.

– Это ничего, – раздался снизу уверенный голос, – зато ты, скорей всего, выживешь. Правда, придётся поваляться в постели, и возможно, останешься калекой.

– Да откуда ты взялся? – девушка возмущённо топнула ногой, однако от края парапета всё же слегка отодвинулась. Похоже, состояние аффекта, в котором она приняла своё роковое решение, начало сдвигаться. – Ты что, специально за мной следил? – пробурчала она уже менее решительно.

Что ж, интуиция Майю не подвела, Вран действительно следил за своей подопечной и вовремя заметил, что она задумала прыгнуть с башни. На самом деле он начал приглядывать за очередной инкарнацией своей любимой Эвы, когда той исполнилось тринадцать, но до сих пор не решался с ней поговорить. Его и самого удивляла такая нерешительность, вернее, приводила в недоумение. Он ведь с нетерпением ждал нового воплощения любимой женщины, но когда она наконец родилась и достаточно повзрослела, чтобы можно было поведать ей правду без страха вызвать когнитивный шок, Вран отчего-то начал оттягивать сакраментальный разговор.

Впрочем, его вполне можно было понять, ведь судьба двух предыдущих инкарнаций Эвы оказалась трагичной. Первую звали Василисой, и она вечно влипала в какие-то стрёмные истории, словно специально старалась усложнить опекавшему её аэру его задачу. Вран даже не пытался возобновить их отношения, просто приглядывал за этой взбалмошной и упрямой девицей, чтобы уберечь от неприятностей, ведь в ней жила душа любимой женщины. На самом деле эту душу он очень долго не мог разглядеть, видимо, оттого, что после случившейся с ними трагедии его собственная душа укрылась от боли в непроницаемом коконе бесстрастия. Ему проще было вообще ничего не чувствовать, чем пытаться залечить эту кровоточащую рану.

Судя по всему, Василиса тоже боялась обнажить свою душу и избегала даже смотреть на своего добровольного защитника. Наверное, если бы у неё так и не хватило решимости выпустить пленницу на волю, то они остались бы просто чужими людьми. Но судьбе было угодно снова свести вместе двух неприкаянных влюблённых и даже даровать им несколько коротких, но счастливых лет совместной жизни. Увы, это вовсе не была спокойная жизнь, потому что Врану пришлось взять на себя роль предводителя мятежа против диктата правящей Пятёрки кланов. Шансов выжить в той войне, которую потом называли его именем, у мятежника практически не было, но он выжил и даже одержал победу. Ну кто бы мог представить, что именно эта победа обернётся для них с Василисой новой трагедией?

Если бы Пятёрка по-прежнему правила Аэрией и ограничивала доступ аэрам в Игру, то энергетический барьер, разделявший две реальности непреодолимой преградой, не позволил бы кругу Офира запустить программу репатриации зависших в Игре аэрских игроков, и Василиса, которая как раз и была одним из таких игроков, никогда бы не отправилась на экскурсию в свою давно позабытую родину. Собственно, в самой экскурсии не было ничего фатального, проблема заключалась в том, что всем экскурсантам в обязательном порядке восстанавливали память. Мера эта была вынужденной и преследовала цель всего лишь уберечь репатриантов от опасности зависнуть в мире посмертия Аэрии, но для Василисы она оказалась роковой.

Когда Вран предложил своей возлюбленной совершить экскурсию в Аэрию, он даже предположить не мог, на что её толкнул. Конечно, он знал, что в прошлом воплощении она пережила ужасную трагедию, поскольку и сам был участником тех событий, однако отчего-то был уверен, что всё уже позади. Василиса вроде бы успешно справилась со своими страхами и взяла свою жизнь под контроль, но оказалось, что то была лишь видимость. Когда её предыдущая личность сделалась частью настоящего, недобитый ужас выполз из своего убежища и набросился на незащищенное сознание женщины с удвоенной силой, как бы мстя за вынужденный простой.

Дурацкая экскурсия в Аэрию, которой Василиса даже не особо и хотела, отравила жизнь им обоим. Уже через месяц измученная женщина буквально превратилась в собственную тень. Она сделалась замкнутой и снова стала избегать общества любимого мужчины. Страх его потерять оказался сильнее даже желания быть рядом. Вран терпеливо ждал, он верил, что в конце концов Василиса справится со своим глубинным ужасом, ведь однажды ей это уже удалось. Увы, воскресшая при восстановлении памяти личность средневековой ведьмочки Эвы взяла верх над разнеженной в объятиях цивилизации интеллигентки Василисы. И как когда-то отказавшаяся жить без любимого Эва добровольно ушла из жизни, Василиса последовала за своей предшественницей.

Когда Вран узнал, что она попала в автоаварию и погибла, он даже не сразу поверил в то, что это было самоубийство, пока ни обнаружил на своём рабочем столе короткую записку. В ней было всего несколько слов: «Обещай, что не допустишь, чтобы это случилось с нами снова». Вот так. Василиса даже не нашла в себе сил, чтобы проститься по-человечески. Она жаждала забвения, и смерть в Игре была самым простым способом получить желаемое. Несмотря на шок и боль, которые испытал брошенный столь безапелляционным способом аэр, он всё же признал за Василисой право выбора. И выбор этот был однозначным: она отказалась от своей родины навсегда, чтобы спасти их любовь.

Вран до сих пор хранил ту записку, чтобы время от времени напоминать себе, как поклялся исполнить волю любимой женщины. А сделать это было совсем непросто, ведь круг Офира развернул бурную деятельность по возвращению зависших в Игре аэров на родину. Чуть ли ни в каждом крупном городе были организованы специальные пункты выявления потенциальных репатриантов, замаскированные под школы духовного развития, и никто не мог гарантировать, что следующая инкарнация Эвы не попадёт в эти сети.

Вран очень тщательно подготовился к возвращению своей возлюбленной, он даже был готов изолировать ребёнка от опасного окружения, вот только одного он никак не ожидал. Того, что его ожидание продлится целых двести лет. Измученная страхом душа любимой женщины просто не желала возвращаться в ставший привычным кошмар тварного бытия. Она предпочитала совсем не жить, чем жить, мучаясь от ужаса снова лишиться любимого мужчины.

Для Врана это стало весьма шокирующим откровением. В отличие от людей, аэры относились к самоубийству без осуждения, но и без трепета. Для них это был просто способ сменить пришедшую в негодность физическую оболочку. Если аэры добровольно уходили на перевоплощение, то вовсе не потому, что не желали жить, а потому, что желали жить лучше. Но для людей смерть была фатальным событием, стиравшим их личность и их память. По большому счёту, текущее воплощение было для конкретной личности единственным, а потому самоубийство было равносильно отказу жить, в принципе.

Не удивительно, что аватарские самоубийцы долго не перевоплощались, ведь в мире желания, где мы все процветаем, нет ничего сильнее чётко сформулированного и подкреплённого эмоциональным зарядом намерения. С помощью этой волшебной палочки можно создавать и разрушать любые иллюзии, из которых соткана наша реальность. И если кто-то использует эту могущественную силу для отказа от жизни, то алгоритмы мира желания покладисто подстраиваются под хотелку отказника.

И всё же душа Эвы снова воплотилась. К тому времени Вран уже практически отчаялся вернуть свою любимую женщину, а потому воспринял рождение девочки как чудо. На этот раз её звали Оливией, и судьба забросила её в дикую северную локацию, правда, в семью знатного лорда, так что росла Оливия в относительно комфортных условиях. Вран не стал пороть горячку, и пока девушке ни исполнилось шестнадцать лет, что в той локации считалось совершеннолетием, старался держаться от Оливии на расстоянии. Он нанялся стражником в дом её отца, чтобы иметь возможность одновременно быть рядом и в то же время оставаться как бы невидимым. Ну кто же обращает внимание на охрану.

То, что с юной барышней творилась какая-то чертовщина, Вран заметил практически сразу. Оливия почти не улыбалась, а в её как бы отсутствующем взгляде сквозила странная обречённость. Нечто похожее происходило и с Василисой, когда она вернула свои воспоминания. Вот только Оливия никак не могла помнить Эву, ведь перевоплощение стирало личность и память аватаров подчистую. Правда, стирало оно только аватарскую память, а более глубокие аэрские воспоминания частенько всплывали у зависших в Игре аэров даже спустя сотни лет. Судя по всему, Оливию мучал вовсе не тот извечный ужас, что подтолкнул к самоубийству сначала Эву, а потом и Василису. Это была просто ностальгия по Аэрии.

Учитывая то, что у Василисы никакой ностальгии не наблюдалось, можно было сделать однозначный вывод о том, что аэрскую память Оливии всколыхнула та злополучная экскурсия на родину в её предыдущем воплощении. Ситуация сложилась, прямо скажем, парадоксальная и безвыходная. О своём решении никогда больше не возвращаться в Аэрию Оливия благополучно забыла, а саму Аэрию помнила и мечтала туда вернуться. Самое обидное заключалось в том, что с запуском программы репатриации зависших аэрских игроков вернуть Оливию домой не составило бы никакого труда, вот только делать этого было никак нельзя, потому что обязательное восстановление памяти снова выпустило бы на свободу её извечный кошмар.

Впрочем, по сравнению с тем животным ужасом Эвы, который висел над её инкарнациями эдаким дамокловым мечом, ностальгия была сущим пустяком. По крайней мере, именно так казалось Врану ровно до тех пор, пока Оливии ни исполнилось шестнадцать. В ночь после празднования своего совершеннолетия девушка потихоньку выбралась из своей спальни и спрыгнула с крепостной стены. Врану не посчастливилось стоять в карауле именно в ту ночь, и он успел заметить на фоне ночного неба фигуру самоубийцы за секунду до того, как она отправилась в свой последний полёт. Ностальгия оказалась не таким уж безобидным зверем.

Неожиданная развязка так и не начавшейся очередной главы романа двух аэров стала для незадачливого опекуна настоящим шоком. Он ожидал чего угодно, но только не самоубийства совсем юной девушки. А ведь Вран понимал, что с ней происходит, и если бы не дождался непонятно чего, а вовремя вмешался, то трагедию, возможно, удалось бы предотвратить. Осознав свою вину, опростоволосившийся опекун резво погрузился в ту самую депрессию, из которой не сумел вытащить свою подопечную. Его когнитивный ступор продлился почти сутки, он даже не отреагировал на то, что обезумевший от горя отец Оливии обвинил в случившемся стражников и приказал их повесить.

Только когда петля уже затянулась на его шее, аэр наконец пришёл в себя. Впрочем, в отличие от двух других стражников, разделивших его участь, в отношении себя Вран счёл приговор справедливым и принял наказание со смирением и покорностью. Возможно, он был даже рад тому, что самодурство лорда в купе с жестокими местными обычаями дали ему возможность заплатить за его самонадеянность и тупость. К тому же Вран знал из своего собственного печального опыта, что лучшим лекарством от душевной боли была боль физическая, а потому, даже уже агонизируя в петле, не испытывал к палачам ничего, кроме благодарности.

Что ж, нужно признать, что мучительная смерть действительно избавила аэра от депрессии надёжнее, чем десяток сеансов у профессионального психоаналитика, вот только вернуть к жизни Оливию она не могла. Вран проиграл ещё один раунд в поединке с судьбой, не смог уберечь любимую женщину от злого рока, который раз за разом обрекал её на самоубийство. Откуда взялось это проклятие, он не понимал, хотя и подозревал, что оно могло быть мстью за то, что когда-то давно аэрский сталкер буквально вырвал приговорённую к сожжению на костре ведьму из рук церковников. Кто знает, может быть, чёртовы попы проклинали ускользнувшую от их приговора девушку, или это сама судьба не пожелала смириться с грубым вмешательством в свой сценарий и теперь отыгрывалась на воплощениях Эвы.

Врану оставалось только ждать и надеяться, что в следующем воплощении любимой женщины у него хватит ума, чтобы предотвратить печальный исход. И снова ожидание было очень долгим, и снова незадачливый защитник изнывал от тревоги и предчувствия новой беды. Увы, Майя на сто процентов оправдала его апокалиптические прогнозы. В её глазах Вран сразу заметил ту же тоску, что свела в могилу её предшественницу. Впрочем, на этот раз барышня оказалась гораздо более предприимчивой, чем Оливия, и не смирилась с приговором судьбы. Не имея возможности реализовать свои воспоминания об Аэрии наяву, девушка очень изобретательно нашла им замену.

Когда Майя начала регулярно зависать на обзорной площадке полуразвалившейся башни, Вран поначалу не на шутку встревожился, помятуя о том, как именно Оливия покончила с собой, но потом сам забрался на башню и всё понял. Девушка нашла способ гасить ностальгию по родине с помощью природной иллюзии, и это давало надежду на то, что она справится со своей депрессией. Что ж, самонадеянность всегда была главным недостатком в характере Врана. Возможно, без неё он никогда не стал бы главой самого известного в Аэрии клана и не выиграл войну с могущественной Пятёркой, но отчего-то защитить любимую женщину от неё самой сия черта характера только мешала.

Увидев тоненькую фигурку девушки, застывшую на краю парапета, Вран сразу понял, что опять проиграл в этой вечной битве с судьбой. Он уже знал, что случится дальше. Все воплощения Эвы были разными, но одна черта присутствовала у каждой из этих женщин в обязательном порядке: они были упёртыми как баран. Нет, даже как целое стадо баранов.

– Лучше отойди, – Майя нахмурилась как грозовая туча, что нависала сейчас над башней.
– Ты меня всё равно не остановишь.

– Знаю, – обречённо вздохнул Вран, – но хотя бы не позволю тебе разбиться насмерть. Не хочу следующие двести лет снова ждать твоего возвращения.

Судя по недоумению, которым вдруг сменилось выражение отчаянной решимости на лице девушки, слова странного мужика её заинтриговали. Вран уже собрался было развить свой неожиданный успех, но не успел. За спиной Майи, откуда ни возьмись, возник парень в ярко-оранжевой футболке. Рука незнакомца решительно легла на плечо девушки, и обе фигуры растворились в воздухе.

Глава 7

На исходе шестого месяца триумфальное шествие новоиспечённого монарха Скании начало медленно, но упорно сходить на нет, обнажая всё больше неразрешимых проблем. Все враги его величества Свена Отважного словно очнулись от спячки и принялись борзо вставлять палки в колёса его и так не особо прочного транспортного средства, которое по задумке аэрского игрока должно было доставить несмышлёных членов управляемого им отсталого сообщества в светлое будущее. Судя по упорному сопротивлению правящей элиты, включая церковных иерархов, перспектива потерять рычаги управления над быдлом была для них страшнее геенны огненной. Так что в средствах они не стеснялись.

Главной головной болью, как и ожидалось, стал командовавший армией старший сын главы ведельского клана, граф Кристен. Первоначальный план Вита по смещению сего опасного персонажа с занимаемой им должности потерпел позорное фиаско. Графа в армии любили, причём не только солдаты, для которых он был эталоном бесстрашия, но и командный состав. Будучи членом семьи, богатство которой могло в лёгкую потягаться с королевской казной, маршал не скупился на награды подчинённым за доблесть и стратегическую смекалку, не забывая при этом обозначить настоящий источник денежных премий. А если прибавить к этому, что граф не жаловал подхалимов и никогда не занимался протекциями, то с него вообще можно было бы писать портрет идеального военачальника.

Нужно отметить, что шпионская деятельность Врана принесла до обидного мало компромата на сего выдающегося полководца, но кое-что всё же удалось нарыть. Оказалось, что граф Кристен увлекался мальчиками, причём с молчаливого одобрения главы семейства. Поначалу Вит воспрял духом, однако очень скоро выяснилось, что использовать надобанную Враном инфу про сексуальные пристрастия графа Кристена не представляется возможным. Во-первых, в данной локации использование заслуженными воинами своих молоденьких ординарцев для сексуальных утех было в порядке вещей и вовсе не считалось постыдным. Но главное, репутация маршала была столь безупречной, что ни одно тёмное пятнышко было не способно прилипнуть к белоснежным одеждам сего рыцаря без страха и упрёка.

Второй облом случился с викингами. Вопреки ожиданиям Вита, который планировал надолго занять армию войной с этими отморозками на границе владений Свена Отважного, первое же сражение закончилось таким полным разгромом морских разбойников, что бедолагам даже пришлось бросить на берегу с пятёк их знаменитых драккаров, потому что не осталось людей, чтобы грести. Уже через неделю армия Скании во главе со своим маршалом триумфально вернулась в столицу, и Ведели по этому случаю закатали крутую вечеринку для всех жителей Лунда, чем ещё сильнее перетянули общественное мнение на свою сторону.

Авторитет воинственного графа сделался настолько непререкаемым, что плести против него интриги стало делом абсолютно безнадёжным. Впрочем, провал операции по нейтрализации старшенького отпрыска Веделей Вита не сильно и огорчил, поскольку маршал ему откровенно нравился, и топить его всяческими подлыми приёмчиками аэрскому оперативнику не хотелось, хоть режь. Однако что-то всё же нужно было делать, и Вит вынужденно переключился на главу всесильного клана.

Разумеется, речь не шла о физическом устранении герцога Рандрупа, хотя сам герцог при случае расправился бы с захватившим трон чужаком, не моргнув глазом, поскольку искренне считал, что Скания принадлежит Веделям, а не какому-то там народу. Нет, аэрский игрок вовсе не страдал избыточной щепетильностью, и если бы убийство старика решило расклад с властью в его пользу, то счёл бы вполне приемлемым избавить Сканию от Рандрупа. Но в том-то и дело, что это было не просто бесполезно, а даже откровенно вредно, ведь у герцога имелся весьма

достойный и любимый в народе наследник, которого удерживал от открытого столкновения с законным королём только его отец.

Если бы между графом Кристеном и короной не стоял его родитель, то маршал уже давно взбунтовал бы армию, которая души в нём не чаяла, и повёл бы своих хирдманов на приступ королевской резиденции. Даже отсутствие поддержки церкви его бы не остановило, поскольку сей прирождённый воин искренне верил в то, что золото и сталь сильнее молитвы. В отличие от своего первенца, сам Рандруп был явно настроен более миролюбиво и, скорее всего, предпочёл бы обойтись без кровопролития, по крайней мере, массового. Кровь узурпатора трона, разумеется, была не в счёт. Это делало герцога самым перспективным кандидатом на роль коллаборациониста, вот только пока было совершенно непонятно, за что его можно было бы зацепить и чем подкупить.

В принципе, эта инфа должна была поступить от Врана, который ни шатко, ни валко продолжал собирать досье на семейство Веделей, но подневольный шпион что-то особого рвения не проявлял, а в последнее время вообще погрузился не то в апатию, не то в протрацию. Похоже, все его мысли были заняты отнюдь не операцией круга Офира, а личными проблемами.

– Что с тобой происходит, дружище? – Вит наконец не выдержал и насел на пребывавшего в унынии стажёра. – Если тебе влом шпионить за Веделями, только скажи, и я отряжу для этой работы Шахина. Но дело ведь не в этом, верно?

– Всё в порядке, – встрепенулся Вран, – просто возникли кое-какие вопросы в другой локации.

– Да знаю я твои вопросы, – Вит снисходительно хмыкнул. – Чем бы ты там ни оправдывал свой интерес к моей операции, но на самом деле ты зависаешь в Игре вовсе не ради меня. Тебя тут держит одна миловидная барышня, не так ли. Сколько ей сейчас лет? Пятнадцать? Шестнадцать?

– Почти шестнадцать, – смущённо потупился Вран, – но в той локации это ещё детский возраст. Майя живёт с родителями и учится в школе.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что вы до сих пор не вместе? – Вит удивлённо воззрился на скромника. – Ну у тебя и выдержка. Или дело не в выдержке? Ты вообще-то хочешь вернуть свою любимую женщину?

– Я и сам не понимаю, чего хочу, – в голосе Врана послышалась странная обречённость. – Не пойми меня неправильно, мне эта девочка дорога, и я бы жизнь отдал за то, чтобы она была счастлива...

– Но не обязательно с тобой, – проницательно заметил Вит. – Ты разлюбил свою Эву? Ни за то не поверю.

– В том-то и дело, что я по-прежнему люблю только Эву, – Вран тоскливо улыбнулся. – А все её инкарнации... – он на секунду замялся. – Мне словно чего-то не хватает. Как будто в своих новых воплощениях Эва лишилась чего-то очень важного, что было в ней с самого начала, и без чего она перестала быть собой.

– А нельзя ли поподробней? – потребовал скептически настроенный собеседник. – Это как-то расплывчато.

– Я пытался понять, правда, но это действительно расплывчато, как ты и сказал, – в голосе Врана прозвучала неуверенность. Он словно извинялся не то за свои капризы, не то за душевную тупость. – Знаешь, я однажды сказал Ро, что внутри этой слабой с виду женщины как будто находится стальной стержень, и это ни капельки не изменилось. В своих новых воплощениях Эва осталась такой же упрямой и волевой, но раньше этот стержень был упакован в мягкий шёлк, а теперь ласковый котёнок превратился в дикую кошку.

– Просто она такая же безбашенная, как ты сам, – Вит иронично фыркнул. – Разве смелость – это порок?

– Да, в смелости Майе не откажешь, – согласился Вран. – Но отчего же она тогда боится жить с открытой душой, как жила раньше? Хотя, о чём это я? – он обречённо опустил голову. – У неё была очень уважительная причина, чтобы закрыться от мира. А вот прежняя Эва не боялась обнажать свою душу и умела видеть чудо в самых обыденных вещах. Нет, даже не так, она жила в волшебной сказке и превращала в волшебство всё, чего касалась. Рядом с ней и я как будто становился волшебником.

– А ты не загоняешься? – в голосе Вита явственно прозвучало недоумение. – Просто верни память своей женщине, и она станет прежней. Чего уж проще?

– Да не могу я этого сделать, – простонал Вран. – С нами случилась очень скверная история, о которой Майе нельзя вспоминать, иначе эти воспоминания её погубят. И не смотри на меня, как на параноика, – рявкнул он на недоверчиво скривившегося друга. – Поверь, я бы не стал разводить панику на ровном месте, просто один раз такое уже случилось. Я сдуру устроил Василисе экскурсию в Аэрию, и ей пришлось всё вспомнить.

– Она так сильно переживала? – Вит сочувственно улыбнулся.

– Если бы, – в голосе Врана послышалась обречённость. – Она тупо не смогла это пережить. Василиса покончила с собой и заставила меня поклясться, что я больше никогда не допущу, чтобы тот ужас снова вернулся. Так что теперь каждое новое воплощение моей Эвы нам приходится знакомиться по новой. И каждый раз она становится другой, словно специально затирает память о себе прежней.

– Настоящую любовь не затрёшь, – нравоучительно заметил Вит. – Это тебе не лотерея, это судьба. Такая прочная связь существует на уровне душ, а не личностей, ей вся эта мелочь, вроде внешности и характера до лампочки. Я узнал мою Оли, даже когда она воплотилась в мужском теле.

– У нас всё иначе, – Вран болезненно поморщился. – Мне отчего-то очень сложно разглядеть душу моей Эвы в её инкарнациях, хотя я точно знаю, что это она. В первый раз, когда её звали Василисой, я вообще поначалу старался держаться от неё на расстоянии. Мне даже казалось, что я предаю память любимой женщины, если попытаюсь заменить её на ту, в которой теперь живёт её душа. Да, я присматривал за Василисой, но скорее, из чувства долга и в память об Эве, чем потому, что хотел с ней сблизиться.

– Не понимаю, как такое вообще возможно, – озадаченно покачал головой Вит. – А ты не заливаешь? До сих пор я был уверен в том, что голос души невозможно заглушить.

– После того, что с нами случилось, моя душа спряталась от боли в непроницаемый кокон, – взгляд Врана сделался каким-то неживым, словно он смотрел в себя, а не на собеседника. – Наверное, так мне было легче. Это Василиса вытащила меня из кокона, а я отплатил ей тем, что опять не смог защитить.

– Такое ощущение, что тобой движет не любовь, а чувство вины, – осторожно заметил Вит. – Ты словно платишь по долгам вместо того, чтобы просто и без затей наслаждаться обществом любимой женщины.

– Возможно, ты и прав, – Вран отрешённо покачал головой, – но я действительно виноват в том, что с нами случилось. И хуже всего то, что этот злой рок теперь висит над всеми воплощениями Эвы, а я не понимаю, как с ним бороться. Моя девочка убивает себя снова и снова, понимаешь? Ну и как мне защитить её от неё же самой?

– И Майя тоже? – у Вита от нехорошего предчувствия перехватило дыхание.

– Она хотела прыгнуть с башни, – вздохнул Вран, – и сделала бы это, хотя я стоял внизу и готов был её поймать.

– Выходит, на этот раз тебе удалось спасти свою любимую, – наверное, Вит хотел подбодрить павшего духом друга, но наткнулся на его мрачный взгляд и стушевался.

– Она жива, – Вран криво усмехнулся, – но спас её не я, а какой-то незнакомый парень, умеющий трансгрессировать. Он тупо прыгнул рядом с Майей и уволок мою малышку неизвестно куда.

– Так чего ж ты тут сидишь? – возмутился Вит. – Твою любимую похитил какой-то стрёмный мужик со сверхспособностями, а ты тут сопли размазываешь. Иди, спасай свою Майю.

– Ты что, не понял? – кривая усмешка словно приклеилась к лицу Врана. – Я ни разу не смог её защитить, и в этот раз не смог бы, а ему это удалось. Может быть, для обретения душевного покоя Майе нужно просто держаться от меня подальше? Возможно, судьба пропустила нас через ту мясорубку как раз для того, чтобы мы осознали, что нам тупо не суждено быть вместе.

– Да что за катавасия с вами произошла? – вспыхнул Вит. – Я даже в страшном сне не могу представить такую жуткую хрень, которая могла бы заставить меня отречься от моей Оли.

– И не пытайся, – взгляд Врана словно налился свинцом, – фантазии не хватит.

– Почему ты не хочешь со мной поделиться? – Вит подозрительно прищурился. – Я же никогда от тебя ничего не скрывал. Ты что, пытаешься меня защитить от правды? Уж не я ли устроил вам с Эвой ту подлянку? Нет, так не пойдёт, давай выкладывай.

– Не надо, дружище, – жалобно попросил Вран. – Это всё в прошлом. Перестань беречь старую рану, она ещё болит. К тому же это сделал не ты, а Ро, и он уже расплатился за свои грехи. Счёт закрыт.

– Это несправедливо, – в голосе Вита явственно прозвучало ожесточение. – Выходит, Ро отравил жизнь ни в чём не повинной женщине и своему другу, потом расплатился за свой косяк и благополучно обо всём забыл. И тут выхожу я, такой чистенький и невинный, как девственница, и присваиваю себе всё, за что он заплатил. Я так не могу, – Вит упрямо покачал головой. – Видимо, мне всё-таки придётся всё вспомнить.

– Не нужно тебе взваливать на свои плечи этот груз, – взгляд Врана смягчился и даже наполнился сочувствием. – Этим ты уже никому не поможешь, а свою жизнь испоганишь. К тому же твоя нынешняя личность нравится мне гораздо больше, чем прежняя. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что ты вернулся к жизни, когда Пятёрка уже прекратила зомбировать аэров, и тебе не пришлось бороться с этими живодёрскими установками за возможность просто чувствовать.

– Да, я читал о манипуляциях Пятёрки с аэрским инфополем, – признался Вит, – и о том, что это едва ни привело к деградации аэров. Война Ставрата ведь как раз из-за этого и случилась, верно? Странно, что Ро не смог избежать зомбирования, он ведь вроде был ратавакорги и постоянно зависал в Игре.

– Избежать зомбирования, которое осуществляется непосредственно через инфополе, в принципе невозможно, – Вран невесело усмехнулся. – Сталкеры, конечно, были меньше подвержены влиянию установок Пятёрки, поскольку Игра вносила свою лепту в их мировосприятие, но полностью выйти из-под давления всё равно не могли. Я тоже научился чувствовать, только когда познакомился с Эвой. Она меня и научила. А до этого я даже гордился тем, что мной движет исключительно холодный расчёт. Ро просто не повезло, он не встретил в Игре свою «эву» и не научился любить. А вот тебе Игра подкинула такой подарочек от своих щедрот. Ну так радуйся, что на тебя не давит груз прошлого.

– Как-то не верится, что Ро поломал жизнь вам с Эвой просто оттого, что не умел любить, – скептически усмехнулся Вит. – Ну ладно ещё тебе, в конце концов, вы были на равных, но издеваться над ни в чём не повинной женщиной – это низко. Я правда был таким отморозком?

– Дело в том, что для Ро все аватары были почти неодушевлёнными предметами, эдакими шахматными фигурами, которые он переставлял на своей игровой доске по собственной прихоти, – на лице Врана появилась болезненная гримаса, видимо, этот давно изжитый комплекс друга задевал его до сих пор. – Ему даже в голову не могло прийти, что эти болванчики тоже

умеют чувствовать и страдать. Поверь, он бы никогда не поступил так с Эвой, если бы знал, что она была аэром.

– Так себе отмазка, – Вит скептически хмыкнул. – И чем же Ро расплатился за свои грехи? Насколько я знаю, он был Ставрати и к тому же телохранителем главы клана, так что прикрыть своего командира – это был просто его долг.

– Ро не был обязан идти со мной на то дело, – возразил Вран. – Более того, ему было категорически противопоказано появляться в Аэрии, потому что его там заочно приговорили к развоплощению за убийство членов Пятёрки.

– Хочешь сказать, что это действительно была искупительная жертва? – Вит задумчиво покачал головой. – Ты ведь об этом догадывался, верно? Думаю, ты принял эту жертву именно потому, что твой друг жаждал искупить свою вину.

– Вообще-то, никакого жертвенного пафоса наших отношениях не было, – Вран тяжело вздохнул и отвернулся, чтобы скрыть своё замешательство. – Один из нас должен был остаться, чтобы дать второму шанс спасти ценный груз. Мы бросили жребий, и Ро выиграл. Хотя я до сих пор подозреваю, что он тогда смухлевал.

– Напрасно сомневаешься, Ро точно смухлевал, – самодовольно ухмыльнулся Вит. – Я бы именно так и сделал. Из вас двоих ты был для Аэрии гораздо важнее. Разве может какой-то телохранитель сравниться с лидером восстания? Да и Ставрати не стали бы никому подчиняться, кроме главы своего клана. Ну и долги надо отдавать, в конце концов. Так что всё логично.

– Меня от этой логики до сих пор мутит, – лицо Врана застыло маской страдания, словно он и впрямь испытывал тошноту. – Ты даже близко не представляешь, сколько своих братьев я потерял в той войне, и сколько раз я проклинал себя за то, что снова и снова должен был посылать кого-то из них на смерть.

– Что поделать, – сочувственно хмыкнул Вит, – командирам просто по определению приходится жертвовать своими бойцами. Такова жизнь.

– Война не имеет ничего общего с жизнью, – горькая усмешка словно разрезала лицо Врана рваной раной. – Да, я считал, что Аэрия важнее жизни нескольких аэров, и до сих пор так считаю, но больше никем жертвовать не стану. Все жизни важны, и мы имеем право распоряжаться только своей. Я до сих пор не могу себе простить того, что оставил Ро одного, тем более, что на кону стояло само его существование, ведь Пятёрка пропускала всех пойманных сталкеров через барьер и развоплощала их души.

– Ради чего вы так рисковали? – голос Вита невольно дрогнул. – Оно хоть того стоило?

– Стоило, – твёрдо отчеканил Вран. – Добытый нами приз как раз и решил исход войны в нашу пользу. Это был диск памяти, на котором хранились цифровые копии личностей всех Ставрати. Представляешь, как изменился расклад в игре, когда на сцену вышли полторы сотни сталкеров? Я пошёл бы за тем диском, даже если бы его охраняла целая армия Пятёрки.

– Странно, что они не уничтожили эти файлы, – Вит озадаченно нахмурился.

– Не забывай, кто программировал симуляторы Ставрати, – самодовольно ухмыльнулся Вран. – Обойти защиту Литара ещё никому не удалось. При первой же попытке взлома все данные утекли с симуляторов в резервное хранилище, которое находилось в бункере под базой Ставрати на глубине триста метров. Открыть его Пятёрке не удалось, потому что замок был настроен на вибрации моего сознания, а чтобы уничтожить бункер, требовалось нечто по-настоящему мощное. От такого взрыва здание базы просто сложилось бы и ухнуло под землю. Скрыть подобную авантюру было невозможно даже теоретически.

– А разве Пятёрке было не пофиг? – в голосе Вита послышалось недоверие. – Они же правили Аэрией как своим скотным двором.

– Это во время войны они осмелели и уже не стеснялись в средствах, – пояснил Вран, – а в то время открытая расправа над Ставрати могла спровоцировать бунт остальных кланов.

В конце концов, законов Аэрии никто не отменял, и за убийство аэров можно было запросто поплатиться самым своим существованием. Так что тупо взорвать бункер эти трусы не решились, просто по-тихому сплывили всех Ставрати, кроме меня, в Игру аватарами, выставили охрану и стали ждать, когда мы придём за диском памяти.

– И никто даже не почесался, когда исчез целый клан? – Вит возмущённо запыхтел.

– Мы собственными руками создали прикрытие для операции Пятёрки, поскольку постоянно торчали в Игре, – в голосе Врана явственно прозвучала горькая ирония. – Если кто чего и заметил, то не придал этому значения. А потом уже было поздно поднимать шум, потому что в отсутствии такого оппонента, как Ставрати, Пятёрка быстро подмяла под себя остальные кланы. Война вообще дала им неограниченные права, и уже ничто не могло их удержать от уничтожения бункера. Так что диск нужно было срочно спасать. Мы с Ро оба заранее знали, что идём в ловушку, и что шанс из неё выйти имелся только у одного из нас, но других вариантов попросту не было. Без сталкеров войну было не выиграть, а без этого диска Ставрати оставались просто аватарами, неспособными проникнуть в Аэрию.

– Значит, жертва была оправданной, – заключил Вит. – Вот только ко мне она не имеет никакого отношения. Это не меня пытали в застенках Пятёрки и не меня превратили в неосознанный осколок хаоса. Как-то это неправильно, что я ничего не помню.

– Да, жертву принёс Ро, – Вран сочувственно кивнул, – и к тебе она не имеет никакого отношения. Но тогда уж будь до конца честным и признай, что и его грех не имеет к тебе отношения. Хватит комплексовать. Если за Ро и числился какой-то должок, то он давно погашен, и ты можешь со спокойной совестью жить дальше.

– Вот только тебе от этого не легче, – вздохнул Вит. – Ты-то до сих пор расплачиваешься за грехи своего друга.

– Нет, не за его, а за свои, – взгляд Врана словно подёрнулся паутиной. – Я ведь сам спровоцировал Ро на агрессию, но самонадеянно решил, что ему слабо мне отомстить, да вот ошибся. По большому счёту, Ро был в своём праве, мне даже нечего ему предъявить, кроме одного. Он сделал орудием своей мести мою любимую женщину и сломал ей жизнь. Если бы ещё только одну...

– Нет такой поломки, которую невозможно было бы починить, – Вит подошёл к другу и крепко его обнял. – Ты, главное, верь и не опускай руки.

Глава 8

Набухший бутон как будто почувствовал близость живого существа, и его лепестки раскрылись с мелодичным звоном, выбрасывая в сторону гости фонтан серебристых звёздочек. Майя подставила ладонь и поймала парочку. Острые шипы выглядели устрашающе, но на самом деле были мягкими как шёрстка котёнка. Девушка провела ладонью по щеке и едва ни замурлыкала от удовольствия. В этот момент какое-то тихое шипение раздалось за её плечом, заставив резко обернуться. С ветки дерева свисало гладкое тельце маленькой змейки невзрачного серого цвета с ярко-красной отметиной на изящной остроносой головке.

Наверное, Майе следовало испугаться, но она только весело рассмеялась и приглашающим жестом подставила руку со звёздочками любопытной рептилии. Девушка уже давно выяснила, что эти красноголовые змейки были не кусачими, зато просто обожали звёздчатые семена. Тонкая серая лента издала ещё одно шипение и стремительным движением слизнула угощение, а потом в знак благодарности обернулась вокруг запястья Майи живым браслетом. Голубой солнечный луч нечаянно коснулся змеиной шкурки, и та засияла подобно россыпи алмазов.

Модница восторженно пискнула и принялась кружиться, пуская во все стороны разноцветные зайчики от своего экстравагантного украшения. Внезапно ей пришло на ум странное название «эгáно», которое отчего-то чётко ассоциировалось со змеей. Майя перевела взгляд на раскрывшийся бутон, и в её голове словно прозвучало немного корявое и в то же время звучное название «квиртэхо».

– Ну вот, я уже начала придумывать язык своего зачарованного города, – эта мысль отчего-то отозвалась в душе девушки печалью.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Майя заранее предвидела, что за очередным визитом в волшебную сказку последует долгий и унылый период обычных сновидений. Чем старше она становилась, тем реже зачарованный город посещал её сны, а без этих ярких фантастических видений жизнь Майи словно бы тускнела и покрывалась пылью. Даром, что ли, прагматичная барышня принялась подменять свои сновидения симулякрами? Наверное, не придумай она этот хитрый трюк, так вообще бы свихнулась от тоски и безысходности.

– Нет, не наверное, – мысленно попеняла себе Майя. – Я уже свихнулась. Я же натурально собиралась спрыгнуть с башни. А точно ли только собиралась или всё-таки спрыгнула?

Чем закончился её детский демарш против вселенской несправедливости, девушка отчего-то не помнила. Последним, что сохранила память, был тоскливый взгляд незнакомого мужика, стоявшего у подножия башни, с которой она собралась отправиться в последний полёт. Судя по выражению обречённости, застывшему на его лице, мужик ни секунды не сомневался в том, что самоубийца не отступит от принятого решения и доведёт дело до конца, даже если сей конец и был сомнительным. Тем не менее навязчивый защитник был полон решимости попытаться спасти её от смерти хотя бы ценой собственной жизни.

– Выходит, он действительно меня спас, – мысленно констатировала Майя, – иначе мне бы не снились сны. Но почему же я ничего не помню? А что если я всё-таки разбилась, но не насмерть, и мой сон про зачарованный город – это просто коматозный бред?

Паническая мысль ворвалась в её сновидение, и то разлетелось на мелкие осколки. Глаза девушки тут же широко распахнулись, вот только сон отчего-то и не подумал сдавать своих позиций, просто одна фантастическая картинка сменилась другой, пусть и более приземлённой, но оттого не менее экзотичной. Теперь Майя больше не бродила по зачарованному лесу, а лежала на широком ложе, покрытом мягким ковром с коротким ворсом. Комната, в которой находилось ложе, совершенно не походила на спальню. Для начала тут совсем не было окон, а вместо обоев, имелись в наличии разномастные ковры, прикрывавшие небрежно побелённые

стены. Никакой мебели помимо спального ложа в комнате не было, если не считать мебелью какую-то витую подставку с безбожно чадающей масляной лампой.

Майя попробовала подняться и тут же обнаружила, что кто-то очень заботливый обложил её со всех сторон цветастыми разнокалиберными подушечками, словно опасался, что она во сне свалится с кровати. Девушка проделала проход в подушечной загородке, опустила ноги на каменный пол и попыталась нащупать в полутьме свои кроссовки. Увы, привычная обувь бесследно исчезла, а вместо неё коматозный сон подкинул своей пленнице пару расшитых блестящими нитками и бусинками кожаных тапочек размера на два больше нужного. Только тут девушке пришлось в голову посмотреть на свою одежду, и она едва ни разрыдалась в голос. Вместо привычных джинсов и толстовки, она была облачена в какое-то явно ношеное платье весёленькой зелёной расцветки, тоже расшитое бусинками.

– Восточная экзотика, чёрт бы её побрал, – проворчала себе под нос сновидица. – Для пущей достоверности не хватает только, чтобы из этой вонючей лампы вылез злобный джинн и принялся крушить всё вокруг направо и налево. Хотя для коматозного бреда вполне себе рядовой антураж, – она тяжело вздохнула, влезла в предложенные сновидением тапки и поднялась со спального ложа.

Платье оказалось слишком длинным, и его пришлось поддерживать руками, чтобы не спотыкаться о подол. Шаркая ногами как старуха, девушка доковыляла до занавески, заменявшей входную дверь, и выглянула наружу. Выход вёл на открытую галерею, опоясывавшую внутренний дворик довольно старого и коряво слепого из глиняных кирпичей дома. Зажатое со всех сторон стенами пространство дворика было таким крохотным, что там поместилось всего одно дерево, да ещё парочка жалких кустиков, жавшихся к стенам как бедные родственники. Майя спустилась вниз по скрипучей деревянной лесенке и обнаружила под сенью цветущих ветвей колыбельку со спящим младенцем откровенно негритянских кровей.

– А вот и заказанный джинн, – констатировала девушка, – правда, какой-то неубедительный.

Малыш мирно посапывал и улыбался во сне, однако Майя всё равно решила не нарываться на неприятности и начала потихоньку отступать от колыбельки. Но не тут-то было, под её ногой хрустнула предательская ветка, и глазки негритёнка распахнулись. Полный недовольства и подозрительности взгляд упёрся нарушительнице спокойствия прямо в переносицу. Майя совсем растерялась и по инерции бросилась неумело трясти колыбельку, типа, укачивать разбуженного малыша, чтобы тот не заорал благим матом и не переполошил хозяев дома. Младенец некоторое время снисходительно разглядывал бестолковую няньку, а потом сладко зевнул и соорудил такую глумливую гримаску, что девушка испуганно отшатнулась.

– Ну и откуда ты взялась в наших пенатах? – голос младенца был низким и хриплым как у взрослого мужика. – Да не мандражируй, я не псих и не по своей воле влез в тело младенца. Твоя игровая оболочка, кстати, тоже не идеал.

– Это просто сон, – мысленно подбодрила себя Майя. – Не стоит ждать от него логики. Ну говорящий младенец, что тут такого? Всё-таки не так абсурдно, как браслет из алмазной змейки.

В этот момент занавеска на одной из выходивших на галерею дверей отодвинулась, и из образовавшегося прохода выскользнул какой-то парень в чёрном балахоне, расшитом непонятными знаками. Его костюмчик откровенно косил под магическую мантию из реквизита какого-нибудь захудалого театра, правда, был изрядно потрёпанным, без театрального лоска. Парень решительно направился к той комнате, в которой спала Майя, но на полпути всё-таки заметил девушку во дворике и метнулся к ней.

– Прости меня, девочка, – сходу принялся извиняться актёр захудалого театра, – я не ожидал, что ты проснёшься до моего возвращения. Нилуфар заверила меня, что лавандовая лампа – это надёжное усыпляющее средство, вот я и повёлся. С тобой всё а порядке?

Речь сего непрошенного доброхота прозвучала столь буднично и логично, что в голову Майи тут же коварно проникло весьма шокирующее подозрение: а вдруг это вовсе не коматозный сон, и всё происходит наяву?

– Ты кто? – ошарашенно пробормотала девушка. – И зачем нацепил на себя театральный реквизит из спектакля про магов и волшебников?

– А это не реквизит, – младенец глумливо захихикал, – Феликс и есть самый настоящий маг. Видать, так спешил к тебе, что даже не успел переодеться в цивильную одежду. Завидую, для меня у него не нашлось даже пары минут, чтобы объясниться.

– Прости, не хотел снова выяснять отношения, – повинился торопыга. – Ну не мог я силой забрать ребёнка у родителей. Мне в этой локации ещё работать.

– Ты работаешь магом, что ли, – Майя скептически хмыкнула. – И как, есть спрос на магические услуги?

– Умерь свой скепсис, девочка, – обиженно пробурчал Феликс. – Я действительно работаю магом по вызову и выполняю капризы богатеньких клиентов из разных локаций Земли. Вообще-то, я не собирался тащить тебя в Задракарту, но пришёл срочный вызов от Эмира, и мне пришлось на него ответить. После попытки самоубийства я побоялся оставлять тебя одну в своей квартире ну и взял с собой. Нилуфар пообещала о тебе позаботиться, пока я навещал клиента, но, видимо, замоталась с домашним хозяйством и не уследила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.